

Українській Вѣстникъ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей *М. А. Славинскаго* и при ближайшемъ участіи
проф. *М. С. Грушевскаго*, проф. *Д. Н. Овсянико-Кули-*
ковскаго и *А. А. Русова*

7-го Сентября 1906 г.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ
MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

№ 14

Редакція № закончена 6 Сентября

Политическія перспективы.

Правительство опубликовало свою „либеральную“ программу реформъ, имѣющихъ „создать вновь устойчивый порядокъ, зиждущійся на законности и разумно понятой истинной свободѣ“. Уже одно сопровожденіе слова „свобода“ словами „разумно понятой“ и „истинной“—способно возбуждать сильное подозрѣніе въ склонности правительства весьма свободно относиться къ содержанію понятія, обозначаемого словомъ „свобода“. А сопровождающее программу учрежденіе новыхъ военно-полевыхъ судовъ, уже окрещенныхъ наименованіемъ „скорорѣшительныхъ“, вселяетъ серьезную тревогу. Не такъ давно—вскорѣ послѣ катастрофы на Аптекарскомъ островѣ—официозная „Россія“ заявляла, отвѣчая на тревожныя ожиданія общества, что въ борьбѣ съ революціей правительство обопрется на законъ, а не на диктатуру. Нынѣ разоблачена игра словъ, заключающаяся въ этомъ заявленіи. Законъ, на который правительство обопрется въ борьбѣ съ революціей, создаётъ не ту единоличную диктатуру, слухи о которой смущали общество, а многоголовую диктатуру „генераль-губернаторовъ, главноначальствующихъ или облеченныхъ ихъ властью лицъ“. Всѣмъ имъ въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи или въ положеніи чрезвычайной охраны, предоставляется „въ тѣхъ случаяхъ, когда учиненіе лицомъ гражданскаго вѣдомства преступнаго дѣянія является настолько очевиднымъ, что нѣтъ надобности въ его разслѣдованіи, предавать обвиняемаго военно-полевому суду, съ примѣненіемъ въ подлежащихъ случаяхъ

наказанія по законамъ военнаго времени“... Даже рѣшеніе вопроса о томъ, насколько „очевидность“ преступнаго дѣянія устраняетъ „необходимость разслѣдованія“, всецѣло принадлежитъ административнымъ лицамъ, устанавливающимъ и компетенцію „скорорѣшительныхъ“ судовъ. Всякое лицо и всякое преступное дѣяніе можетъ быть судимо военно-полевымъ судомъ, который „немедленно приступаетъ къ разбору дѣла и оканчиваетъ разсмотрѣніе онаго не далѣе, какъ въ теченіе двухъ сутокъ“. „Приговоръ, по объявленіи на судѣ, немедленно вступаетъ въ законную силу и безотлагательно, и во всякомъ случаѣ не позже сутокъ, приводится въ исполненіе“. Понятно, почему этотъ невѣроятный законъ заслоняетъ передъ обществомъ всякій интересъ къ опубликованной одновременно съ нимъ „либеральной“ программѣ реформъ. Напрасно „Россія“ старается доказать, что оппозиція боится либеральныхъ реформъ, ибо онѣ примирятъ общество съ министерствомъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что судьба двухъ частей министерской программы— „либеральныхъ“ реформъ и военно-полевыхъ судовъ—будетъ весьма неодинакова. Однако, если даже закрыть глаза на „военно-полевою“ часть министерской программы и сосредоточить все вниманіе на ея „либеральной“ части, то и тогда, можетъ быть, придется ее называть не просто „либеральной“, а „истинно“ или „разумно-либеральной“. Никакихъ гарантій, никакой увѣренности въ томъ, что намѣчаемая министерствомъ реформа будутъ соответствовать потребностямъ народа и времени, „правительственное сообщеніе“ не даетъ. Перечень въ 12 пунктахъ подготовляемыхъ министерствомъ „для представленія въ будущую государственную думу“ законопроектовъ ничего не говоритъ о содержаніи этихъ законопроектовъ, которое можетъ оказаться совсѣмъ неудовлетворительнымъ. Наконецъ, содержащееся въ финальной части „правительственного сообщенія“ завѣреніе, что „съ своей стороны

правительство считаетъ для себя обязательнымъ не стѣснять свободно высказываемаго общественнаго мнѣнія, будь то печатнымъ словомъ или путемъ общественныхъ собраній“ находится въ рѣзкомъ, можно сказать, кричащемъ несоотвѣтствіи съ наблюдаемой дѣйствительностью. И казалось бы, что если правительство сколько-нибудь озабочено снисканіемъ общественнаго довѣрія къ его реформаторской искренности, то его первымъ шагомъ должно быть уничтоженіе указаннаго несоотвѣтствія. Однако, будетъ ли сдѣланъ этотъ шагъ, при настоящихъ условіяхъ очень и очень сомнительно. А разъ это такъ, то сколь бы энергично правительство не противопоставляло „не колеблясь насилію силу“, ему не удастся достигнуть того умиротворенія, которое достижимо только при уничтоженіи разрыва между властью и народомъ. Для того, чтобы не существовало этого гибельнаго для страны разрыва, власть должна стать народной, въ чемъ и заключается сущность парламентаризма, за установленіе котораго борется вся сознательная демократическая Россія.

Всякое правительство, противящееся нынѣ установленію парламентаризма, рискуетъ тѣмъ, что вся его практическая дѣятельность сведется къ противопоставленію „насилію силы“, программа же реформъ, даже при всемъ возможномъ „либерализмѣ“, останется бумажнымъ производствомъ... „Разумно понятая“ „истинная“ свобода сведется къ режиму — „скорорѣшительныхъ“ судовъ. Такой режимъ долго не продержится!..

Но выходъ изъ него откроется не „либерализмомъ“ того министерства, которое и роспускъ думы совершило во имя „истинной“ свободы... „Не съ помощью терпѣнія, а силой нетерпѣнія освобождается народъ“ — говорилъ Л. Берне. Надо надѣяться, что „сила нетерпѣнія“ и въ русской исторіи окажется силой творческой, освобождающей..

Нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что на территоріи Украины создаваемая военно-полевыми судами тяжкія кары будутъ направлены по совершенно несоответствующему адресу—даже съ той точки зрѣнія, какая положена въ основу новаго драконовскаго акта.

Какъ бы ни смотрѣть на природу послѣдняго закона съ государственно-правовой точки зрѣнія, можно во всякомъ случаѣ понять одно, — что онъ имѣетъ въ виду, очевидно, борьбу съ революціонными террористическими выступленіями, стремится компенсировать ихъ ветхозавѣтнымъ правиломъ—око за око, зубъ за зубъ. Но въ томъ то и дѣло, что на Украинѣ земледѣльческому населенію придется отвѣчать своими зубами даже тогда, когда всѣ чужіе зубы будутъ совершенно цѣлы. Здѣсь въ послѣднее время происходитъ остренная борьба на чисто экономической почвѣ—между обездоленнымъ экономически безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянствомъ и фактическими распорядителями судьбы ихъ—помѣщиками-аграріями. Въ борьбу эту, по всей вѣроятности—въ виду особаго состава заинтересованныхъ въ ней лицъ одной стороны, рѣшительно вмѣшалось правительство, почему она искусственно перенесена съ почвы экономической на политическую—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда элементъ политическій на самомъ дѣлѣ совершенно отсутствовалъ. Передъ самымъ созывомъ Думы опубликованъ былъ законъ о сельско-хозяйственныхъ стачкахъ, вводившій въ область экономическихъ отношеній между помѣщиками и ихъ рабочими кодексъ суровыхъ уголовныхъ преслѣдованій. Затѣмъ, въ іюль мѣсяцѣ безъ всякихъ поводовъ общеполитическаго свойства введено было военное положеніе въ 10 уѣздахъ кievской губерніи, отмѣченныхъ такъ называемыми аграрными недоразумѣніями. Если введеніе военнаго положенія въ Кіевѣ и въ кievскомъ уѣздѣ въ ноябрѣ прошлаго года оправдывалось ссылками на безпорядки среди войскъ, то новое расширеніе площади дѣйствія военнаго поло-

женія на остальные уѣзды кievской губерніи могло вызываться лишь стремленіемъ болѣе рѣшительнаго вмѣшательства администраціи въ ходъ забастовочнаго движенія, явно невыгодный для земельной аристократіи. Теперь въ той же мѣстности будутъ дѣйствовать и военно-полевые суды, при чемъ „тяжкія преступленія“ вышеупомянутаго порядка будутъ повышены въ новой іерархіи суровыхъ каръ еще на одну степень. Это, конечно, произведетъ свое дѣйствіе, но только въ отношеніи для правительства едва ли желательномъ, такъ какъ всю интенсивность экономической борьбы перенесетъ всецѣло на политическую почву.

Аграрные очерки.

I.

Мои личные наблюдения по выставленному въ заголовкѣ вопросу относятся исключительно къ югу Россіи и главнымъ образомъ къ херсонской губерніи. Глубоко ошибаются тѣ, а такіе люди существуютъ, которые думаютъ, что аграрное движеніе среди крестьянъ возникло какъ-бы внезапно, что явленіе это наносное извнѣ, что оно результатъ пропаганды. Кто долго жилъ на „землѣ“ и „землею“, въ нѣкоторомъ родственномъ общеніи съ крестьянскою массою населенія, для тѣхъ вопросъ этотъ представляется въ совершенно другомъ свѣтѣ и такія лица прекрасно знаютъ, что среди крестьянъ съ давнихъ поръ живетъ и развивается не только простое, вполне понятное съ точки зрѣнія голоднаго человѣка желаніе завладѣть „господскою землею“, но и сознаніе своихъ правъ на эту землю. Причинъ этого явленія существуетъ двѣ. Во-первыхъ, крестьяне по преданію знаютъ, что когда-то вся новороссійская степь принадлежала крестьянамъ *) и что ни одинъ изъ родоначальниковъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ - господъ никогда этихъ земель не покупалъ, а получилъ на нихъ право неизвѣстными крестьянамъ путями за не вполне ясныя, а иногда и слишкомъ ясныя свои за-

*) Въ дѣйствительности эти земли принадлежали казакамъ, которые въ послѣдніе годы существованія Запорожской Сѣчи усиленно колонизировали ихъ выходцами изъ Малороссіи и стремились ввести на нихъ даже свое гражданское управленіе.

слуги... На совѣщаніи гласныхъ отъ крестьянъ въ г. Александриі въ іюнѣ 1905 г. при составленіи петиціи на Высочайшее имя эту свою мысль крестьяне выразили съ замѣчательной простотою и ясностью: „Бог ихъ святой знае, може вони колись и отечество спасли, а може когось и чімъ инымъ потішили“... Эта причина во всякомъ случаѣ является лишь какъ *теоретическое* обоснованіе крестьянскихъ воззрѣній. Но крестьяне отлично знаютъ, что именно родоначальники нынѣшнихъ землевладѣльцевъ-господъ принесли съ собою и величайшее для крестьянъ зло — крѣпостное право, котораго до той поры (времена Екатерины II) въ украинскихъ земляхъ не существовало.

Вторая причина является уже болѣе конкретно и даетъ крестьянамъ въ ихъ разсужденіяхъ чисто *практическое* обоснованіе. Въ моментъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне дѣлились на двѣ группы: казенныхъ (бывшихъ военныхъ поселеній) и частновладѣльческихъ. Казенные крестьяне получили земли по 5 десятинъ на душу и при этомъ имъ была роздана вся земля почти безъ остатка *). Крестьяне же частновладѣльческіе получили только по 3¹/₂ десятины на душу, и у помѣщиковъ осталось еще очень много земли. Значить, разсуждаютъ крестьяне, господа схитрили: они должны были отдать всю свою землю, какъ то сдѣлала казна, но не сдѣлали этого. Казна дала бы и еще больше на душу, да у нея земли больше не было, а господа не дали даже по 5 десятинъ, а только по 3¹/₂, остальное же неправильно присвоили себѣ.—Съ этого ряда логическихъ умозаключеній крестьянина въ настоящій моментъ нельзя сбить никакими силами.

*) Въ александрійскомъ уѣздѣ на все количество въ 884638 десятинъ земли казна владѣетъ всего лишь 87147 десятинами, изъ которыхъ болѣе 70000 десятинъ находится подъ лѣсомъ. Во всей же губерніи казенныя земли составляютъ всего лишь 5% общей площади.

Кто говоритъ противъ этого, тотъ врагъ, а кто — за, тотъ другъ, или по крайней мѣрѣ не врагъ. Этимъ исключительно критеріемъ и руководствуются наши крестьяне въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ, кто приходитъ или находится съ ними въ соприкосновеніи, и этимъ же объясняется и весь успѣхъ внѣшней пропаганды самаго послѣдняго времени. Возникло же это явленіе въ крестьянской средѣ внѣ всякой внѣшней агитаціонной дѣятельности въ то еще время, когда и эсь-деки всякаго толка одинаково пренебрежительно относились къ нашему крестьянину-собственнику, доктринерски считая его за буржуа. Правда, агитаторы были и дѣйствовали давно, но это были свои, внутренніе агитаторы: малоземелье *), недороды, недоѣданіе и ясно сознаваемое крестьянами ихъ безправіе по сравненію съ правами другихъ сословій.

Короче сказать, аграрное вождельніе всегда существовало въ нашемъ крестьянствѣ. Оно, какъ болѣзнетворная бацилла, гнѣздилося въ организмъ нашего государства и ждало только благопріятныхъ условій, чтобы пробудиться и перейти въ активную форму. Эту благопріятную почву создалъ намъ бюрократическій строй, доведшій страну до внутреннихъ кровавыхъ безурядицъ и до внѣшняго позорнаго разгрома.

Въ результатъ „крестьянинъ зашевелился“, и *аграрное вождельніе* перешло въ *аграрное движеніе*. Оставляя крестьянина въ темнотѣ, невѣжествѣ, и безправіи, мы естественнымъ ходомъ исторіи пришли къ роковому ея моменту.

Вся острота и неизбѣжность этого момента заключается именно въ томъ, что увеличеніе крестьянскаго землевладѣ-

*) Въ александрійскомъ уѣздѣ на наличную душу обоого пола приходится по 0,90 десятины надѣльной земли, а по всей губерніи—1,01 десятины. См. „Статистик.-Эконом. Обзоръ херсонск. губ.“ за послѣдніе годы.

нія является необходимымъ не только потому, что крестьянинъ этого *хочетъ*, а именно потому, что это *необходимо*, чтобы спасти крестьянина отъ окончательнаго обнищанія и гибели. Если всю площадь надѣльной земли въ нашей херсонской губерніи раздѣлить на надѣлы въ $3\frac{1}{2}$ десятины на мужскую душу, то удовлетворенными окажутся только 660000 человекъ, и, слѣдовательно, 495000 оказываются безземельными. Отсюда ясно, что для ихъ удовлетворенія всю существующую площадь надо увеличить на 75%. Съ другой стороны, если для всей нашей страны считается нормальнымъ 12-ти пудовый средній запасъ хлѣба на душу, а для того, чтобы хоть какъ-нибудь прожить, надо имѣть не менѣе 18 пудовъ, то ясно, что единственнымъ средствомъ является увеличеніе площади посѣвовъ сейчасъ же на 50%. Я говорю *сейчасъ*, потому что всякаго рода мѣропріятія культурнаго характера могутъ также принести пользу, но только черезъ десятки лѣтъ, а ѣсть крестьянину надо именно сейчасъ.

Я далекъ отъ мысли считать приведенныя мною цифры рѣшающими вопросъ въ окончательной формѣ, я привелъ ихъ только въ видахъ нѣкоторой объективности разсужденій, но полагаю, что 50—75% прибавка къ крестьянской землѣ является *minimum-minimum*’омъ того, что надо въ дѣйствительности, и это только для того, чтобы остановить медленное голодное вымираніе и быстро прогрессирующее вырожденіе народа.

Крестьянинъ знаетъ и понимаетъ эти цифры даже лучше насъ и съ этимъ, въ дополненіе къ тому, что сказано было раньше, нельзя не считаться при обсужденіи современнаго положенія или, вѣрнѣе, значенія аграрнаго вопроса.

* * *

Какъ было уже сказано, среди нашего херсонскаго крестьянства аграрный вопросъ существовалъ давно, хотя бы

только въ видѣ мечты о землѣ, да еще, надо прибавить, въ видѣ весьма недобросовѣстнаго отношенія ко всякому „панському“ имуществу со стороны какъ нанимающихся на работы, такъ и живущихъ по сосѣдству.

Явленіе это впрочемъ, какъ кажется, общее не только для нашего юга, но и для всего нашего отечества. Временами въ крестьянствѣ поднималось броженіе, ходили слухи о золотыхъ грамотахъ, которыя яко-бы укрывались помѣщиками, но всѣ такія явленія имѣли совершенно мирное теченіе. Года за два, за три до войны, однако, чуть-чуть не разразилась гроза. Земство разослало для отзыва по землевладѣльцамъ брошюру, заключающую въ себѣ матеріалы для переоцѣнки земель. Въ основу этой переоцѣнки были взяты между прочимъ и арендныя цѣны на землю по волостямъ. Само собою разумѣется, что были приведены минимальныя арендныя цѣны. Такъ, напримѣръ, для нашей волости была приведена цифра въ 7 рублей, тогда какъ дѣйствительная арендная плата въ то время стояла 10—13 рублей. Крестьяне поняли, что именно эту цѣну въ 7 р. и слѣдуетъ платить, тѣмъ болѣе, что въ началѣ брошюры было сказано, что работы по переоцѣнкѣ, а слѣдовательно, и отпечатаніе самой брошюры,—сдѣланы по распоряженію высшаго правительства. Начался рядъ серьезныхъ недоразумѣній на этой почвѣ, и дѣло чуть не разыгралось въ открытый бунтъ. Потребовалось большое вмѣшательство со стороны губернскихъ властей. Крестьяне по наружности успокоились, но нѣкоторые и до сихъ поръ убѣждены, что тутъ не безъ обмана со стороны пановъ и земскихъ начальниковъ.

Вскорѣ послѣ этого ко мнѣ явилось нѣсколько чловѣкъ зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ посовѣтоваться. Они рассказали, что крестьяне глубоко и искренно убѣждены въ скоромъ наступленіи момента, когда вся земля будетъ раздѣлена поровну между всѣми мужскими душами,

одинаково считая и мужиковъ, и помѣщиковъ и вообще всѣхъ, кто теперь занимается землею. Кто и какъ это сдѣлаетъ, оставалось неяснымъ, но что это будетъ такъ именно, — это не подлежитъ никакому сомнѣнiю. Серьезно ожидая этого событiя, крестьяне рѣшили подготовиться къ нему заблаговременно и съ этою цѣлью избрали по деревнямъ „синоды“, которые собираются по ночамъ и обсуждаютъ всѣ потребности дѣла. Эти „синоды“ уже опредѣлили, что при раздѣлѣ земли на каждую мужскую душу придется по 7 десятинъ. Вотъ мои собесѣдники и пришли узнать, что объ этомъ слышно въ Петербургѣ (я тогда только что приѣхалъ изъ столицы) и какъ имъ быть самимъ: у нихъ собственной земли больше чѣмъ по 7 десятинъ на душу, землю эту они купили на трудовые гроши, такъ неужели придется отдавать? Разумѣется, я ихъ постарался успокоить и сдѣлалъ это, для того времени, съ совершенно чистою совѣстью. Вскорѣ подобные разговоры стали повторяться все чаще и чаще въ различныхъ углахъ уѣзда.

Одному, на примѣръ, землевладѣльцу крестьяне прямо поставили вопросъ, что же онъ будетъ дѣлать, когда у него останется только 7 десятинъ. Сдѣлали они это вполне добродетельно и ихъ очень интересовало, что онъ именно себѣ оставитъ, пахотную ли землю или же фруктовый садъ. Помѣщикъ шутя отвѣтилъ имъ, что онъ совсѣмъ этого не боится, такъ какъ у него есть два сына, хотя и малолѣтнихъ, но на нихъ слѣдуетъ дать ему еще 14 десятинъ, а, во-вторыхъ, у него не вся земля получена по наслѣдству, часть ея онъ купилъ на собственные деньги, и ее у него никто не можетъ взять. Крестьяне не поняли шутливости помѣщика и ушли глубоко озабоченные, какъ-же это такъ? „Синоды“ маху далъ и вотъ теперь цѣлыхъ 114 десятинъ въ ихъ расчетахъ не хватаетъ. Эта норма, — въ 7 десятинъ на душу, строго говоря, неизвѣстно откуда явилась. Говорили, что крестьяне просто мѣряли землю шагами и надѣлали

поэтому ошибокъ. Точно также на глазъ опредѣляли они и число душъ. Въ дѣйствительности же въ нашемъ уѣздѣ на полное число 229000 мужчинъ имѣется всей земли 885000 десятинъ, т.-е. по 3,9 десятины на мужскую душу, а по всей губерніи—5,6 десятины.

Бывали еще и такіе случаи: къ одной помѣщицѣ ея рабочей прямо обратился за совѣтомъ, какой именно кусокъ изъ ея земли получше она посовѣтуеть ему взять.

Всѣ эти случаи я привожу изъ жизни только одной своей волости, а волостей у насъ въ уѣздѣ 31.

Отсюда понятно, что это движеніе среди крестьянъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ землевладѣльцамъ. Правду надо сказать, что послѣдніе сообщали другъ другу эти факты въ видѣ курьезныхъ анекдотовъ и не придавали явленію никакого серьезнаго значенія. Seriously поэтому начали относиться много позднѣе, только послѣ первыхъ аграрныхъ безпорядковъ въ Полтавщинѣ.

Крестьяне же этими вопросами занимались весьма серьезно, да и не одни крестьяне. Вскорѣ вслѣдъ за ними съ претензіями на землю появилось и деревенское духовенство.

Теперь извѣстно, что въ полтавской губерніи при первыхъ аграрныхъ безпорядкахъ были случаи, когда у сельскихъ батюшекъ находили вещи изъ разграбленныхъ помѣщичьихъ усадебъ. Говорятъ, что это были по преимуществу граммофоны и музыкальные ящики. У насъ, правда, до этого не доходило, но причтъ одного большого села испросилъ въ консисторіи разрѣшеніе начать съ помѣщикомъ тяжбу изъ-за земли. Начали они съ того, что послали ему за подписью 11-ти членовъ причта заявленіе, требуя возвращенія 80-ти десятинъ земли, которыя его прапрадѣдъ 99 лѣтъ тому назадъ захватилъ изъ церковныхъ земель. Кромѣ земли, они требовали еще арендную плату за 99 лѣтъ и проценты на первоначальную стоимость земли. При этомъ совершенно открытымъ являлся вопросъ: существовало ли даже въ тѣ

времена на этомъ мѣстѣ село и, во всякомъ случаѣ, была ли тогда въ немъ церковь.

Заявленіе было написано весьма безграмотно, какъ въ стилистическомъ, такъ даже и въ грамматическомъ отношеніи. Помѣщикъ исправилъ всѣ ошибки красными чернилами, поставилъ балль 2, — подписался за преподавателя грамотности въ семинаріи такой-то и послалъ заявленіе это въ консисторію. Вскорѣ послѣ этого домашніе помѣщика были въ церкви и оконфуженный священникъ за молебномъ, совершенно не по правилу, прочелъ евангеліе о сучкѣ въ глазу ближняго и при этомъ выразительно посматривалъ въ сторону своихъ непріятелей. Тѣмъ дѣло и окончилось.

При такихъ условіяхъ, подсмѣиваясь надъ крестьянскими затѣями, но уже немножко ихъ побаиваясь послѣ полтавскихъ событій, дожили мы до весны 1905 года. Въ этомъ году картина рѣзко измѣнилась.

Херсонецъ.

МИХАЙЛО ГРУШЕВСЬКИЙ

MYKHAILO HRUSHEVSKY DIGITAL ARCHIVES

Terra incognita.

Проф. М. Грушевскій. Украинство въ
Россіи, его запросы и нужды.

Трудно найти область, въ которой представленія широкихъ слоевъ общества въ такой степени страдали бы неясностью и сбивчивостью, какъ область такъ называемаго украинскаго вопроса. Украинскій вопросъ оставался, да и остается, для большинства „вопросомъ“ по преимуществу. У насъ легче можно найти людей, знакомыхъ съ національными отношеніями самыхъ отдаленныхъ мелкихъ народностей, чѣмъ съ украинскими отношеніями. И,—какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, когда отсутствуетъ знаніе дѣла, — сужденія по данному вопросу большею частью поражаютъ чрезвычайной категоричностью, основанной не на фактахъ, а на личныхъ симпатіяхъ и настроеніяхъ. Почему это? Почему національные интересы 25-милліоннаго народа такъ мало интересуютъ другія народности, живущія о-бокъ съ нимъ въ томъ же государствѣ? Почему даже среди представителей самого украинскаго племени очень часто не видимъ яснаго національнаго самосознанія, сознанія своихъ національныхъ правъ и интересовъ и своихъ ближайшихъ обязанностей по отношенію къ родному народу?

Въ этомъ случаѣ повторяется то же, что бывало раньше и, конечно, будетъ еще впереди съ народностями, прошедшими черезъ строй самыхъ сильныхъ репрессій, самаго разнообразнаго національнаго гнета. Подъ давленіемъ этого гнета народность, даже съ ясно выраженною національною фizioноміей, часто теряетъ сознаніе своего національнаго „я“. Если съ Украиной не случилось этого въ полной мѣрѣ, то лишь потому, что она попала подъ денационализующій прессъ уже съ прочной самостоятельной культурой, совершенно подавить которую было вообще трудно, а вытравить—невозможно. Въ украинскомъ національномъ организмѣ въ моменты даже самаго высокаго ассимилирующаго давленія все же продолжалъ

бится пульсъ національной жпзнп — въ видѣ ли стихійнаго или вполне сознательнаго проявленія — и при первомъ удобномъ случаѣ струя національной жизни заявляла себя болѣе или менѣе интенсивно. Но этотъ окончательный плюсъ являлся въ результатѣ столкновения двухъ борющихся и взаимно ослабляющихъ другъ друга силъ и не давалъ даже приблизительнаго представленія о тѣхъ положительныхъ результатахъ національнаго развитія, какіе несомнѣнно обнаружались бы въ томъ случаѣ, если бы развитіе это совершалось при вполне нормальныхъ условіяхъ.

Но въ томъ то и дѣло, что условія эти были крайне ненормальны и для страдательной стороны — просто убійственны. Они далеко не представляли изъ себя покушенія съ негодными средствами; если бы они были направлены на организмъ менѣе устойчивый и не въ такой степени успѣвшій сформироваться, они поглотили бы его совершенно. Въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ старанія сильнаго правительства — сперва московскаго, потомъ не менѣе централизирующаго петербургскаго — направлены были къ полной денационализаціи Украины, къ совершенному поглощенію ея великорусскою стихіей во всѣхъ сторонахъ духовной и матеріальной жизни. Политика обрусѣнія производилась послѣдовательно, почти безъ отступленій и съ изумительной настойчивостью и неразборчивостью средствъ. Ударъ за ударомъ, непрерывно и неослабно долбившіе въ одну точку національнаго обезличенія украинской народности, сдѣлали свое дѣло, хотя только лишь на половину: національная стихія не была задущена, но душа народа была исковеркана, развитіе его—духовное и матеріальное — было задержано и даже, въ нѣкоторыхъ сторонахъ, пошло по ложному пути. На эту сторону государственной политики — сторону обрусѣнія — обращено было большое вниманіе, въ ущербъ положительнымъ сторонамъ дѣятельности правительства, и результаты получились съ точки зрѣнія руководителей обрусительной политики — довольно благоприятные.

Общій очеркъ обрусительныхъ репрессій по отношенію къ украинской народности находимъ въ недавно вышедшей брошюрѣ проф. М. С. Грушевскаго, заглавіе которой выписано выше. Авторъ не имѣлъ въ виду останавливаться подробно и исчерпывающе на положеніи украинства въ Россіи; онъ указываетъ только нѣкоторые, болѣе основные факты въ этомъ отношеніи, которыми мы и воспользуемся въ настоящемъ случаѣ, дополняя ихъ и другими данными.

„Отношеніе правительства Россіи къ украинской народности, — говоритъ проф. Грушевскій, — вообще было единою сплошною исто-

ріей репрессій... Сначала оно направляетъ свою енергію на уничтоженіе политической особы и автономіи Украины, мѣстныхъ формъ политическихъ и общественныхъ отношеній и осуществляетъ эти стремленія, не справляясь съ желаніями и стремленіями украинскаго общества и народа, не обращая вниманія на отчаянное сопротивленіе, глубокое неудовольствіе, не считаясь со своими обѣщаніями и обязательствами. Затѣмъ оно стремится ввести ту же нивелляцію и въ культурную и въ духовную жизнь Украины, вытравить традиціи ея прошлой жизни и не только подчинить, но и вполне ассимилировать ее великорусской культурѣ. Языкъ — этотъ первый и самый важный показатель національной особы—обращаетъ на себя главное вниманіе политиковъ нивелляціи, и уже въ первой четверти XVIII в. правительство ставитъ требованіе, чтобы въ украинской литературѣ „никакой розни и особаго нарѣчія не было“. Подавивъ, дѣйствительно, всякую литературу на мѣстномъ языкѣ цензурными репрессіями въ XVIII в., правительственная политика становится въ XIX в. на той точкѣ зрѣнія, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, какъ выразился въ своемъ циркулярѣ министръ Валуевъ, солидаризуясь съ жалкими измышленіями, что украинскій языкъ представляетъ собою лишь искаженіе русскаго языка, „испорченный русскій языкъ“, и т. п. Врожденное, совершенно естественное, стихійное стремленіе украинской народности къ проявленію своего національнаго содержанія представляется правительствомъ, со словъ охранительной печати, какъ искусственно привитые посторонними вліяніями, враждебные государству, подлежащіе преслѣдованію и искорененію политическіе замыслы, результаты интриги польской, австрійской и Богъ знаетъ еще какой. „Сепаратизмъ“ становится страшнымъ крикомъ, вѣщающимъ всевозможныя бѣды, и подъ понятіе его подводятся самыя невинныя проявленія любви къ родному краю и народу, его языку и прошлому. И, усердно создавая своими репрессіями всѣ поводы для неудовольствія, для „сепаратизма“, съ другой стороны во имя призрака этого сепаратизма лишали украинское населеніе имперіи самыхъ элементарныхъ образовательныхъ средствъ, удовлетворенія первѣйшихъ потребностей духовной жизни человѣка—употребленія родного языка и творчества на немъ“.

Кульминационнымъ пунктомъ и очень яркимъ фактомъ репрессій въ культурно-національной области является пресловутый законъ 1876 года, воспрещающій на украинскомъ языкѣ всѣ роды литературнаго творчества за исключеніемъ „изящной словесности“. Для того, кто не видѣлъ воочию губительнаго дѣйствія этого закона,

онъ кажется какой-то фантастической легендой; нельзя представить себѣ, напр., какъ это популярныя брошюры о травосѣяніи, дифтеритѣ и даже евангеліе потому только, что они на украинскомъ языкѣ,—могутъ быть запрещенными книгами, контрабандный провозъ которыхъ въ предѣлы Россіи карается по всей строгости законовъ. А между тѣмъ не прошло еще и года, какъ законъ этотъ пересталъ примѣняться. „Во всемірной исторіи,—справедливо замѣчаетъ г. С. Ефремовъ по поводу этого закона,—имѣется, по всей вѣроятности, лишь одинъ фактъ, который можно бы поставить въ параллель съ настоящимъ,—это именно изданный въ 1566 году Филиппомъ II Испанскимъ эдиктъ, предписывавшій новокрещеннымъ мавраамъ отказаться отъ всего, что могло служить хоть какимъ-нибудь напоминаніемъ объ ихъ прежней религіи. „Имъ было предписано,—говоритъ Бокль,—подъ страхомъ строжайшихъ наказаній учиться по-испански и выдать всѣ свои арабскія книги. Имъ не позволялось ни читать, ни писать, ни даже говорить дома на своемъ родномъ языкѣ“.

Принципіальное и практическое значеніе закона, воспреещающаго литературное творчество даже не изъ-за содержанія его, а потому лишь, что оно выражается на извѣстномъ языкѣ, — понятно безъ всякихъ комментаріевъ. Наряду съ этой мѣрой наиболее грубаго воздѣйствія на духовную жизнь народа слѣдуетъ поставить другую, строго примѣняемую и въ настоящее время и воспреещающую употребленіе украинскаго слова даже въ качествѣ языка школьнаго преподаванія, не говоря уже объ употребленіи его въ сферахъ административной, судебной и др. Для характеристики того, что даетъ денационализованная школа на Украинѣ, достаточно сослаться на авторитетъ извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго, который говоритъ по этому поводу, что „если такая школа не пустятъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, вопервыхъ, гораздо ниже народа: что же значить она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ, передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтій; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ — на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы, совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько

десятокъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчій написать какую-нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ“.

Дѣйствіе такой системы оглушенія оказалось ужасно и выразилось въ значительной отсталости украинскаго населенія по сравненію съ великорусскимъ, благодаря именно тому преимуществу, какое дается послѣднему ученіемъ на родномъ языкѣ. Украинское населеніе гораздо меньше пользуется школою, результаты школьнаго обученія среди него гораздо ниже, за то, наоборотъ, рецидивизмъ безграмотности значительно выше. А между тѣмъ когда-то украинскую территорію покрывала густая сѣть школъ, съ которой едва можетъ сравниться нынѣшняя. Въ Слободской Украинѣ перепись 1732 г. показываетъ такой же процентъ учащихся въ школахъ, какой существовалъ въ Харьковской, напр., губерніи въ 1882 г. И все это нисколько не удивительно. Свободное функціонированіе школы замѣнено внѣшней, посторонней регламентаціей, своя, народная школа, соответствующая современнымъ потребностямъ и современному уровню, уступила мѣсто школѣ на неизвѣстномъ языкѣ, на изученіе котораго тратится большая часть той энергіи, которая должна уходить на усвоеніе самихъ званій. Недостатокъ этотъ даже не могъ быть восполненъ и внѣшкольнымъ образованіемъ, такъ какъ, не говоря уже объ учебникахъ по различнымъ отраслямъ знаній, даже украинскій букварь до самаго послѣдняго года былъ предметомъ безплодныхъ мечтаній сторонниковъ національной школы на Украинѣ.

Еще хуже обстоитъ дѣло со средней и высшей школою. Украинцамъ въ Россіи все еще приходится пока только утѣшаться сознаніемъ, что въ маленькой закордонной Галичинѣ, не смотря даже на противодействие польско-шляхетской администраціи, существуютъ украинскія гимназіи, университетскія каѳедры, существуетъ украинское ученое общество.

Послѣдовательно негативнымъ было отношеніе правительства къ украинской національности, къ украинскимъ интересамъ и во всѣхъ

другихъ областяхъ, гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи жизненныхъ нуждъ, вызываемыхъ различіемъ національнаго быта, и въ особенности, когда нѣкоторое „послабленіе“ могло предоставить возможность развитію какой-либо стороны національной культуры. Языкомъ администраціи и суда на Украинѣ является языкъ великорусскій, хотя онъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ совершенно не понятенъ населенію, что и ведетъ къ тяжелымъ для послѣдняго практическимъ послѣдствіямъ. Украинское искусство—пѣсня, музыка, театръ, въ особенности послѣдній—не только не культивируется, безъ чего вообще не возможенъ расцвѣтъ искусства, но даже всячески стѣсняется въ своемъ развитіи, подвергаясь часто просто изумительнымъ въ смыслѣ изобрѣтательности репрессіямъ. Само собою разумѣется послѣ этого, что постановка проблемъ политико-соціальныхъ и экономическихъ, вызываемыхъ разнообразными особенностями жизни Украины, вызвала всегда самое рѣшительное преслѣдованіе, какъ крайне вредный „сепаратизмъ“. Словомъ, говоря словами проф. Грушевскаго, „украинскій языкъ былъ обреченъ на небытіе, украинская народность—на вымираніе въ качествѣ народности и на приобщеніе къ народности великорусской путемъ школы и культуры“.

Не будемъ въ данномъ случаѣ распространяться о томъ, какіе болѣзненные эксцессы эта система вызвала въ самомъ организмѣ украинской народности. Ограничимся лишь, такъ сказать, психологическимъ воздѣйствіемъ ея на различные слои украинскаго общества.

Воздѣйствіе это было очень разнообразно. Въ книгѣ проф. Грушевскаго намѣчены три его развѣтвленія. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ внѣшнихъ репрессій одни изъ украинцевъ или замолчали вовсе или, идя „въ сторону наименьшаго сопротивленія“, подавляли свои общественные интересы и обращались къ „безобиднымъ“ занятіямъ лингвистикой, археологіею, нумизматикой, археографіею и т. п. Затѣмъ значительная часть украинскаго общества, находя прегражденными всѣ пути къ дѣятельности на пользу своего народа, бросались въ борьбу съ режимомъ, создававшимъ эти трудности. Представители этой части украинскаго общества охладѣвали къ національному вопросу, считая въ данныхъ условіяхъ „украинофильство“ дѣтскою забавою, а всѣ попытки легальной дѣятельности—пародіею дѣятельности, и становились въ первые ряды движеній, стремившихся разрушить самый государственный строй, создававшій тѣ отношенія, которыя ихъ окружали.

Наконецъ, для болѣе національно-сознательныхъ элементовъ, безпощадная война, объявленная украинству правительственными сферами Россіи и не оставлявшая мѣста никакимъ компромиссамъ,

никакому оппортунизму, имѣла лишь тотъ результатъ, что руководящія идеи украинства вырабатывались въ рѣзкой оппозиціи бюрократическому абсолютистически-централистическому старому режиму Россіи. Аrenoю для выработки и развитія идей этого рода явилась закордонная Галичина, невольный оплотъ украинства, лишенаго легальной почвы въ Россіи. Какъ бы бдительно ни охранялись австрійскіе кордоны, новыя идеи безпререивно проникали черезъ нихъ не только въ своей невѣсомой природѣ, но и въ видѣ обширной литературы, рассчитанной на разнообразныхъ читателей и особенно обильно распространявшейся среди народа. Политическіе идеалы этихъ кадровъ украинства послужили затѣмъ почвой и матеріаломъ для программъ существующихъ теперь на Украинѣ демократическихъ партій, изъ которыхъ нѣкоторыя принимали участіе и въ выборной агитаціи и въ самихъ выборахъ и имѣли своихъ представителей въ первомъ россійскомъ парламентѣ.

Непосредственное активное значеніе въ развитіи украинскаго національнаго дѣла имѣеть, конечно, послѣднее изъ указанныхъ развѣтлений общественнаго движенія на Украинѣ. Обнимая собою нѣсколько украинскихъ политическихъ партій, въ общемъ сходныхъ въ конечныхъ цѣляхъ національной программы, это послѣднее движеніе стремится къ достиженію національныхъ задачъ подъ флагомъ глубокаго демократизма. Національная индивидуализація народной массы и предпринята имъ не по однимъ только принципиально-теоретическимъ соображеніямъ о законности развитія національныхъ особенностей племени, но и главнымъ образомъ потому, что развитіе національное является тою необходимою и наиболѣе цѣлесообразною формою, въ которой и при посредствѣ которой совершается развитіе и обнаруженіе всѣхъ вообще силъ націи — духовныхъ и матеріальныхъ. Украинскія демократическія партіи, добиваясь всесторонняго примѣненія національной формы развитія народныхъ массъ, сами прежде всего пользуются этою формою для воспитанія народныхъ массъ въ цѣляхъ общаго освободительнаго движенія.

Казалось бы, указанныя цѣли, общія съ другими современными россійскими прогрессивными направленіями, должны явиться совмѣстною почвой и связующимъ между ними звеномъ для обоюднаго пониманія и взаимодѣйствія. Такъ какъ украинскія и россійскія демократическія партіи идутъ къ однимъ общимъ цѣлямъ и только различными, ближайшими для каждой дорогами, то, казалось бы, слѣдовало бы ожидать въ этомъ случаѣ и взаимной поддержки.

„Къ сожалѣнію,—справедливо замѣчаетъ въ своей брошюрѣ проф. Грушевскій,—нужно сказать, что игнорированіе правящими сферами

украинскаго вопроса совпадаетъ съ довольно безучастнымъ же отношеніемъ къ этому вопросу самого великорусскаго общества и его руководящихъ круговъ. Если „патріотическая“ часть печати не щадитъ инсинуаций и обвиненій по отношенію къ кардинальнымъ запросамъ украинскаго общества, то въ прогрессивныхъ органахъ обыкновенно царствуетъ холодное и мало располагающее молчаніе. По большей части нѣтъ прямо враждебныхъ выходокъ, но и нѣтъ сочувствія и помощи. Ее находятъ Поляки, Финляндцы, нѣкоторыя другія народности, но безпощадно угнетенная украинская народность, самая большая изъ негосударственныхъ народностей Россіи, наиболѣе близкая по крови великороссійской и внесшая въ сокровищницу ея культурной, общественной и государственной жизни столько, сколько не внесла никакая другая, не находитъ живой поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ раскрытію“.

Высказанная мысль далеко не является голословною. Она находитъ для себя слишкомъ краснорѣчивыя подтвержденія въ фактахъ самаго послѣдняго времени. Достаточно указать въ этомъ отношеніи на безучастное или даже несочувственное отношеніе значительнаго большинства прогрессивной великорусской интеллигенціи къ постулату автономіи Украины. На страницахъ „Украинскаго Вѣстника“ отмѣчались, напр., далеко несочувственные отзывы по этому вопросу корифеевъ партіи, наиболѣе вліятельной въ бывшей Думѣ. Въ то время какъ требованіе автономіи Польши, напр., весьма опредѣленно поддерживалось и пропагандировалось ею, требованіе украинской автономіи или встрѣчалось непріязненно, или же, что фактически представляетъ то же самое, откладывалось въ самый отдаленный ящикъ.

Такія отношенія составились не со вчерашняго дня. Они имѣютъ за собою довольно почтенное прошлое и такъ сказать установленную традицію. Какъ на классическій примѣръ изъ области прошлаго можно указать на отношеніе Вѣлинскаго къ Шевченку. Отзывъ Вѣлинскаго наполненъ такими грубыми выходками по отношенію къ послѣднему, что трудно допустить, чтобы слова эти принадлежали не только виднѣйшему представителю литературы, но даже просто культурному и мыслящему человѣку.

Въ чемъ же заключается причина того прискорбнаго явленія, что украинскія стремленія въ призмѣ такъ называемаго общерусскаго міровоззрѣнія такъ часто преломлялись подъ угломъ самаго отрицательнаго отношенія? Установить этотъ діагнозъ было бы въ высшей степени интересно. Къ сожалѣнію, такого объясненія не находимъ въ книгѣ г. Грушевскаго, такъ какъ это не входило въ его задачи. Само собою направивается то самое простое и, повидимому, самое

правильное объясненіе, что въ этомъ случаѣ сказался результатъ тѣхъ репрессій, какія такъ настойчиво и разнообразно примѣнялись къ украинской народности въ теченіе двухъ вѣковъ. Вся политика правительства была направлена къ тому, чтобы стереть самую мысль объ обособленности украинской народности и тѣмъ болѣе — объ удовлетвореніи какимъ либо ея потребностямъ.

Послѣдовательно проводя эту идею въ качествѣ неоспоримой политической аксіомы, правительство во многомъ достигло своей цѣли. Верхи украинскаго народа въ свое время были куплены разнаго рода „маетностями“ да „шляхетскими вольностями“ до крѣпостного права включительно, а затѣмъ, оторвавшись отъ остальной народной массы, были всецѣло приобщены къ русской культурѣ и государственности. Народная масса, лишенная всякихъ человѣческихъ правъ и предоставленная самой себѣ, менѣе всего могла активно отстаивать національныя права свои, оказывая лишь пассивно-стѣхійное сопротивленіе направленнымъ на нее денационализующимъ экспериментамъ. Въ результатѣ представленіе объ украинскомъ народѣ, какъ націи, совершенно поистерлось въ представленіи общества. Въ дѣйствительности оказывалась не „нація малороссійская“, какъ ее раньше называли, а „малороссійское двостонародье“, plebs, „хохлацкая чернь“, надъ которою въ лучшемъ случаѣ можно было добродушно пошутиться, но отнюдь не считаться серьезно съ потребностями ея, какъ націи. Просвѣщенные путешественники, удостоивавшіе своимъ вниманіемъ Украинну, изображали затѣмъ свои впечатлѣнія въ такомъ тонѣ, будто они побывали въ страшъ ботопудовѣ, а не въ краѣ, имѣющемъ свою продолжительную и содержательную исторію, свою вѣками выработавшую и насильно стираемую культуру. Положеніе дѣла было таково, что даже появившіеся съ конца XVIII вѣка писатели, представители возрожденной украинской литературы, люди, воплѣвъ демократически настроенные и проникнутые живыми интересами роднаго народа, могли найти въ себѣ гражданскаго мужества лишь на столько, чтобы выступить съ литературными произведеніями въ комически-шуточной формѣ. Котляревскій свои демократическіе взгляды, свои обличенія злоупотребленій надъ роднымъ ему народомъ втиснулъ въ рамки комической „Перелицованной энепды“; Гулакъ-Артемевскій невыносимое положеніе крѣпостного человѣка изобразилъ въ шуточной „байкѣ“—сатирѣ „Панъ та собака“, гдѣ панскій „крѣпакъ“ выведенъ въ лицѣ по всякому поводу и вовсе безъ повода избиваемой собаки Рябка. Квитка-Основяненко, правда, глубоко заглянулъ въ душу украинскаго простодушина, открывъ въ ней черты высокой человѣчности гораздо раньше,

чѣмъ это было сдѣлано въ русской литературѣ, и далъ рядъ захватывающихъ повѣстей, написанныхъ уже въ совершенно серьезномъ тонѣ; но это въ общемъ былъ, хотя и благородно-гуманный, но все же довольно односторонній романтикъ, закрывавшій глаза на такое вопиющее социальное зло своего времени, какъ крѣпостное право. И ко второй четверти XIX в., когда выступилъ на сцену Шевченко, взглядъ на украинскій плебс, какъ на благополучную, безответно-добродушную и совершенно безпретенціозную сѣрую массу не былъ вовсе поколебленъ, тѣмъ болѣе, что идеи демократизма въ это время были вообще слабо распространены въ широкихъ слояхъ общества. Когда Шевченко и другіе украинскіе писатели шевченковской плеяды заговорили уже совершенно другимъ языкомъ—прямымъ и рѣшительнымъ—отъ лица угнетеннаго, но требующаго полного вниманія къ своимъ правамъ и нуждамъ народа, то это вызвало въ однихъ недоумѣніе, въ другихъ даже раздраженіе за такую странную претенціозность. Даже не во всѣхъ лучшихъ головахъ могло уложиться новое понятіе объ украинскомъ народѣ, какъ равноправной національной особи, имѣвшей законное право на удовлетвореніе всѣхъ его человѣческихъ и въ томъ числѣ національныхъ правъ. Представленіе о человѣческихъ и тѣмъ болѣе національныхъ правахъ плохо мирилось съ реальнымъ безответнымъ крѣпакомъ, котораго можно было вволю драть на конюшнѣ какъ собаку-Рябка. Эти высокія абстрактныя понятія черезчуръ вульгаризировались отъ такого несоответствующаго ихъ прижѣнія и воплощенія, и это очень шокировало представителей тогдашняго образованнаго общества, слишкомъ разграничивавшаго двѣ сферы—абстрактныхъ понятій и реальной жизни. Даже „землякъ“ Гоголь, изображавшій украинскаго простолюдина въ такой красивой декоративной обстановкѣ, высказывался, что отъ поэзіи Шевченка разить дегтемъ. Воспитанный на русской литературѣ и вращавшійся въ средѣ утонченныхъ ея представителей, онъ, несмотря на свои стихійныя симпатіи къ родной Украинѣ и родному народу, улавливаетъ въ реально-неприкрашенномъ изображеніи интересовъ народной массы только чисто „мужичій“ букетъ, хотя букетъ этотъ вполнѣнствіи нисколько не смущалъ его въ выведенныхъ имъ живыхъ великорусскихъ народныхъ типахъ. Такова ужъ была сила традиціоннаго отношенія къ украинской народности, что отъ установившагося шаблона не могъ освободиться даже такой геній мысли и слова. Поползновенія создать свою „мужичью“ литературу для потребностей такъ еще малокультурной массы тѣмъ болѣе могло шокировать такого аристократа мысли и виднѣйшаго художника-творца русскаго литературнаго языка, какъ Бѣлин-

скій. Если этимъ были грѣшны люди столь глубокаго ума и столь широкихъ общественно-литературныхъ взглядовъ, то удивительно ли, что въ широкихъ слояхъ общества царило—да и по сей-часъ продолжаетъ царить—просто фатальное непониманіе всей жизненной необходимости нормальнаго удовлетворенія украинскимъ національнымъ потребностямъ.

Въ такомъ взаимномъ непониманіи виноваты отчасти сами украинцы. Они недостаточно рѣшительно и настойчиво требовали того, что принадлежитъ имъ по праву. Какъ уже упоминалось, многіе наиболѣе активные элементы въ виду тяжелой безвыходности національнаго положенія нерѣдко приносили свои ближайшіе національные интересы въ жертву болѣе общимъ соображеніямъ, откладывая осуществленіе національныхъ задачъ на вторую очередь. Собственно украинскія національныя нужды не имѣли настойчивыхъ адвокатовъ ни въ прессѣ, ни въ общественныхъ организаціяхъ, ни даже передъ правительственными кругами. Бывали цѣлые періоды, и при томъ довольно продолжительные, когда дѣятельность украинскихъ силъ была отмѣчена печатью какой-то безнадежной пассивности и нытьемъ передъ дѣйствительно тяжелыми препятствіями. Это, конечно, не могло имѣть хорошихъ послѣдствій, ибо, какъ извѣстно, серьезное вниманіе и уваженіе вызываются только опредѣленною и рѣшительною постановкою вопроса и настойчивымъ домогательствомъ осуществленія разъ намѣченныхъ цѣлей. Столпы украинства изъ чрезмѣрной дальновидности допускали иногда довольно странныя, чтобы не сказать больше, заигрыванія съ противниками справа и слѣва, еще болѣе затемнявшія и безъ того запутанныя отношенія. Конечныя цѣли украинскаго движенія не только при этомъ замалчивались, но даже отрицались, чтобы не вызвать неудовольствія въ административныхъ сферахъ и не поссориться съ тѣми прогрессивными общественными кругами, которые по части централистическихъ тенденцій немногимъ уступали органамъ правительства. Послушавъ, напр., Костомарова, всѣми силами старавшагося лоялизировать украинскія стремленія, можно было придти къ выводу, что въ сущности никакого украинскаго вопроса не существуетъ, никакой украинской программы не нужно, а все дѣло можно ограничить изданіемъ книгъ для народа, букваря и словаря. Даже Драгомановъ, — человекъ, котораго ужъ никакъ нельзя обвинить въ недостатокъ прямоты и гражданскаго мужества въ выраженіи своихъ взглядовъ, — полемизируя съ крайностями націонализма, какъ бы отъ излишней идейной добросовѣстности, доходилъ до другой крайности—до уменія національныхъ задачъ украинства. Это дипломатичанье и ума-

леніе себя не только вызывали недоумѣніе, даже недовѣріе и подозрительность въ сферахъ, непрічастныхъ къ украинскому движенію, но и создавали полный сумбуръ въ рядовыхъ кругахъ украинства, которые, идя за своими вождями, оказывались въ туникѣ большихъ противорѣчій. Дипломатія не имѣла успѣха, никого не убѣдила и даже оказалась безусловно вредною, такъ какъ призракъ „сепараратизма“ все-таки разрушенъ не былъ, а между тѣмъ въ послѣдствіи всякая широкая постановка вопроса побивалась авторитетами Костомарова и др. Столь же отрицательныя послѣдствія имѣла и политика другого рода, стремившаяся свести украинское движеніе къ политико-соціальному задачамъ, съ почти полнымъ устраненіемъ отсюда задачъ культурно-національныхъ.

Тѣ украинцы, которые близко соприкасались съ народной средой, воочію убѣждались, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ—культурнымъ и экономическимъ—приводитъ деаціоналізація народной массы. „Они, — какъ говорилось въ напечатанной въ періодъ „довѣрія“ запискѣ о нуждахъ украинской печати, — видѣли, что народъ лишень единственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того беспощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ беспросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура, онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагоприятными соціальными и экономическими условіями, доводившими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты; у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родного народа безправными изгнанниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося“. Исходя изъ непосредственныхъ реальныхъ потребностей народа, они въ большей степени реагировали на то давленіе, которое въ каждый данный моментъ причиняетъ наиболѣе ощутительную боль народному организму. И нельзя не признать, что съ этой, практической, стороны наиболѣе ощутительными оказываются тѣ репрессіи, которыя имѣютъ въ виду наиболѣе примитивныя стороны жизни, повседневныя потребности и отношенія. Когда нація лишена права пользованія роднымъ и въ большинствѣ случаевъ единственно доступнымъ языкомъ въ отношеніяхъ административныхъ, судебныхъ, въ церкви, когда она не

имѣть своей школы, газеты, книги, даже своего букваря,—то возмущеніе этой грубой несправедливостью, подогрѣваемое непрерывно; на каждомъ шагѣ, должно интензивно возрасти до степени всепоглощающаго интереса. Для тѣхъ, кто стоитъ въ ближайшемъ соприкосновеніи съ народомъ и въ то же время фактически лишень возможности использовать средства ближайшаго и наиболѣе дѣйствительнаго общенія съ нимъ и культурнаго на него воздѣйствія, — это такая глубокая драма, которую могутъ понять только тѣ, кто пережилъ ее на собственномъ опытѣ. Если бы тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые такъ остроумно высмѣиваютъ пристрастіе украинцевъ къ своей „мовѣ“ (непремѣнно въ кавычкахъ), въ одинъ прекрасный день заставить вмѣсто своего роднаго языка во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ прибѣгать къ какой-нибудь другой славянской „мовѣ“, хотя бы къ той же украинской, — они запѣли бы тогда иначе. Сытый голоднаго не понимаетъ. Человѣкъ, выросшій при условіяхъ нормальнаго удовлетворенія національныхъ потребностей, лишь въ нѣкоторой степени, и то при большой искренности и добросовѣстности, можетъ понять психологію національно угнетаемой народности; а такія исключительныя качества, какъ извѣстно, весьма рѣдки. Вотъ отчасти почему приходится видѣть не только игнорированіе украинскаго вопроса, но даже прямо отрицательное къ нему отношеніе со стороны тѣхъ прогрессивныхъ элементовъ общества, отъ которыхъ по идейнымъ основаніямъ, повидимому, слѣдовало бы ожидать совсѣмъ иного отношенія.

Въ интересной и богатой фактами брошюрѣ проф. Грушевскаго не дано анализа причинъ запутанности украинскихъ отношеній, такъ какъ авторъ имѣлъ въ виду исключительно фактическую сторону вопроса и общую постановку возможнаго его разрѣшенія въ будущемъ.

Каковы бы ни были причины, дѣйствіе ихъ во всякомъ случаѣ несомнѣнный наличный фактъ, съ которымъ нужно очень серьезно считаться. Если украинскій вопросъ мало вообще популяренъ и мало встрѣчаетъ сочувствія даже среди наиболѣе прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества, то это сильно затрудняетъ и усложняетъ задачу украинскихъ дѣятелей, вынужденныхъ дѣйствовать на два фронта, — п въ сторону общаго освободительнаго движенія и въ сторону защиты національныхъ интересовъ, имѣя въ виду въ послѣднемъ случаѣ не только органы правительства, но и наличныя общественныя силы. Положеніе не легкое, такъ какъ двойственность задачи ослабляетъ напряженность дѣятельности, — но оно неизбѣжно диктуется создавшимися условіями и отношеніями. „Опытъ послѣдняго времени, такъ много сдѣлавшаго для переоцѣнки многихъ теоретическихъ и прак-

тических цѣнностей, благодаря открывшейся возможности высказаться сравнительно свободно по кардинальнымъ вопросамъ общественныхъ и національныхъ отношеній, много содѣйствовалъ уясненію положенія украинства въ Россіи и ожидающихъ его перспективъ. Выяснилось, какъ мало можно ожидать, при всѣхъ вѣяніяхъ, какихъ-либо уступокъ отъ бюрократіи. Съ другой стороны, представилось съ совершенною ясностью, что и введеніе конституціоннаго строя само по себѣ вовсе не разрѣшаетъ украинскаго вопроса, а вводитъ только новые факторы въ борьбу украинской народности за ея національное самоопредѣленіе. Это, высказанное авторомъ разсматриваемой нами брошюры, положеніе—безусловно справедливо. Положительный исходъ общаго освободительнаго движенія не обозначаетъ еще положительнаго рѣшенія украинскаго вопроса. Это лишь первый, быть можетъ—самый важный и трудный, но вовсе еще не окончательный этапъ въ его разрѣшеніи, которое можетъ правильно состояться только въ свободномъ правовомъ государствѣ. Атмосфера такого государства не можетъ мириться—по идейнымъ и практическимъ основаніямъ—съ тѣмъ глубоко ненормальнымъ положеніемъ, въ которомъ находится народность настолько крупная, настолько богатая содержаніемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насильственнаго подавленія, и имѣющая всѣ шансы матеріальнаго и культурнаго развитія. „Однимъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ, одною изъ самыхъ грандіозныхъ и благодарныхъ задачъ, какія предстоятъ разрѣшить освобождаемой Россіи, является, несомнѣнно, вопросъ украинскій. Скорое, успешное, справедливое разрѣшеніе его неотложно необходимо не только въ интересахъ самого украинскаго народа—самой большой изъ негосударственныхъ народностей Россіи, обреченной старымъ режимомъ и поставленной въ самыя невозможныя условія существованія,—но и всей освобождаемой Россіи. Подавленіе естественныхъ стремленій огромнаго, тридцатимилліоннаго населенія къ своему развитію и самоопредѣленію неизбежно порождаетъ не только застои и упадокъ, но и всякаго рода аномаліи—какъ въ средѣ подавляемой народности, такъ и въ тѣхъ органахъ, которыми это подавленіе производится. Система гнета и денационализаціи неизбежно становится системою политической и общественной деморализаціи, и угнетаемыя провинціи всегда и вездѣ служатъ очагомъ разложенія для самихъ господствующихъ народностей,—для всего государственнаго организма. Какого рода элементы создаетъ система, царствующая въ подавляемыхъ окраинахъ Россіи, событія послѣднихъ мѣсяцевъ еще разъ показали съ полною очевидностью. Въ числѣ ихъ,

лишенная условий правильного развития и самоопредѣленія, Украина останется тяжелымъ камнемъ у ногъ будущей Россіи“.

Трудно сейчасъ опредѣлить всѣ детали возможнаго разрѣшенія украинскаго вопроса. Но несомнѣннымъ представляется во всякомъ случаѣ одно: рѣшеніе это должно быть таково, чтобы оно могло сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства, обезпечить свободное развитіе національности въ его составѣ, чтобы тѣмъ освободить отъ напрасной траты силъ на національную борьбу. Эти условия опредѣленно предугазываютъ такую форму разрѣшенія вопроса, которая сравнительно еще недавно представлялась однимъ изъ наиболѣе страшныхъ политическихъ жупеловъ, но уже за послѣдній годъ успѣвшая пріобрѣсть въ довольно широкихъ прогрессивныхъ кругахъ даже нѣкоторую популярность—хотя въ отношеніи только къ одной изъ населяющихъ Россію народностей. „Вполнѣ опредѣленно вырисовался предъ украинскимъ обществомъ фактъ,—говоритъ проф. Грушевскій,—что гарантіи свободнаго національнаго, экономическаго и культурнаго развитія оно можетъ найти лишь въ автономіи, обнимающей всю украинскую территорію, т.-е. мѣстности съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ Россіи. Только такая реформа можетъ избавить его отъ перспективы національной борьбы, отъ необходимости тратить усилія на разрѣшеніе національнаго вопроса, организуя общественныя силы для борьбы съ неблагоприятнымъ отношеніемъ къ украинству правящей бюрократіи и руководящихъ сферъ великорусскаго общества, расходовать общественную энергію на національное треніе, для достиженія того, что должно послужить простою почвою для развитія культурнаго и экономическаго прогресса народа—свободы и нестѣсненности его національной стихіи. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и предоставленіемъ ей широкаго самоуправленія, национальность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устройство экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нѣчто само собою подразумеваемое, никакихъ особыхъ усилій и соображенія не требующее, простую почву, какъ я сказалъ, на которой совершенствуются экономическія и культурныя отношенія. Для народности, такъ запущенной бюрократическою политикою въ своемъ экономическомъ и культурномъ развитіи, какъ украинская, было бы въ высшей степени важно получить возможность сосредоточить всѣ силы и энергію на экономическомъ и культурномъ подъемѣ массъ, не тратя времени и силъ на національную борьбу—и эту возможность можетъ дать ей только національная автономія“.

И мы ни мало не сомнѣваемся, что въ концѣ концовъ украин-

скій вопросъ придетъ къ такому именно рѣшенію, --- когда дѣйствительныя нужды и потребности обширнаго и богатаго по природнымъ условіямъ, но истощеннаго благодаря централистической политикѣ, края перестанутъ быть terra incognita, когда онѣ будутъ трактоваться не по заранѣ предвзятымъ и субъективно-теоретическимъ соображеніямъ, не по шаблону все нивелирующаго бюрократическаго централизма, а въ соотвѣтствіи съ реальными интересами края и самого государства.

О. Бѣлоусенко.

Курсы народных учителей въ Кіевѣ.

Недавно въ Кіевѣ происходили два учительскихъ съѣзда: курсы учителей церковно-приходскихъ школъ, организованные ихъ духовнымъ начальствомъ, и курсы учителей народныхъ министерскихъ училищъ, устроенные кіевскимъ „укороченнымъ земствомъ“ для учителей кіевской губерніи. Первые организованы были по казарменно-дисциплинарному способу, т.-е. учителей держали за высокими монастырскими стѣнами подъ неослабнымъ надзоромъ „наблюдателя церковныхъ школъ“, благодаря которому учителя проводили всѣ дни въ строгомъ порядкѣ и послушаніи: по звонку вставали, по звонку обѣдали и выслушивали науки, какими ихъ пичкали благонамѣренные лектора. У народныхъ учителей курсы прошли очень оживленно и произвели на съѣхавшихся въ общемъ благопріятное впечатлѣніе. Руководители курсовъ—педагоги Лубенець и Балталонъ, внесли много новаго, интереснаго [въ методы преподаванія русскаго языка; нѣкоторыми профессорами были прочитаны лекціи по естествознанію, психологіи и другимъ предметамъ. Но всего плодотворнѣе, конечно, было то взаимное общеніе, въ которомъ провели учителя почти цѣлый мѣсяць. Съѣхалось ихъ до 400 человекъ; около 300 изъ Украины, остальные—изъ другихъ, даже далекихъ мѣстъ (напримѣръ, изъ московской губерніи). Для руководства внутренней жизнью на курсахъ былъ выбранъ изъ учителей свой комитетъ, учителями обсуждались не одни только педагогическіе вопросы, но и волнующіе все общество современные политическіе вопросы; говорились рѣчи, и родной украинскій языкъ звучалъ на всѣхъ этихъ, такъ сказать, „вънѣклассныхъ собраніяхъ“. Послѣ роспуска Думы учителя горячо говорили: „интеллигенціи теперь стыдно было бы прятаться по угламъ, когда самъ народъ сознательно вступаетъ въ борьбу за свою „долю“. Украинскіе учителя должны выступить впереди своего народа и вмѣстѣ съ нимъ добиваться для него счастья и воли, завоевать Украинѣ свободу и автономію, а школъ—націоналізацію. Довольно намъ и всей украинской интеллигенціи „тыняться“

по чужому полю. Надо идти одной дорогой со своимъ народомъ; надо твердо помнить, что вся интеллигенція и вся ея работа ничего не стоитъ безъ поддержки народа“.

Трудно было такому настроенію всего учительства мириться съ административно-педагогическими воззрѣніями руководителей курсовъ. Такъ, напримѣръ, когда учителя выслушали прекрасный примѣрный урокъ Лубенца и спросили, — какъ согласить такіе широко развивающіе уроки съ тѣми министерскими экзаменаціонными требованіями, которыя держать въ тискахъ народную школу? — они получили чисто бюрократическій отвѣтъ: „изворачивайтесь, какъ знаете“! Не мало труда стоило учителямъ провести самыя скромныя резолюціи, общественно-педагогическаго содержанія; надъ составленіемъ ихъ работали двѣ комиссіи: одна по вопросу о реформѣ низшихъ школъ и объ улучшеніи правового положенія народнаго учителя, а вторая — спеціально по вопросу о націонализаціи школы. Эти резолюціи настолько важны для подъема всего дѣла украинскаго народнаго просвѣщенія, что мы приводимъ ихъ здѣсь дѣликомъ.

1. Резолюція по поводу народнаго образованія вообще.

Образованіе должно быть всеобщимъ, обязательнымъ и бесплатнымъ. Школа должна быть единая, со связанными одна съ другой ступенями. Обученіе должно вестись свободно и на родномъ языкѣ учащихъ; религиозное воспитаніе должно быть передано семьѣ.

Завѣдываніе народнымъ образованіемъ должно быть передано въ руки мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Эти органы должны пользоваться автономіей и пополняться выборными представителями изъ учительской среды.

Въ основу школьнаго обученія должны быть положены литература и искусства, какъ продукты всемірнаго народнаго творчества.

Народное образованіе содержится на государственнй счетъ. Расходами завѣдуютъ школьные совѣты изъ учителя, земскаго врача и одного или двухъ членовъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Эти же школьные совѣты разрѣшаютъ и вопросы школьно-педагогическіе: обученія и воспитанія въ школѣ, организуютъ экзаменаціонныя комиссіи, въ которыя ассистентами приглашаются учителя изъ другихъ школъ. Въ органахъ самоуправленія представители отъ учителей участвуютъ съ правомъ рѣшающаго голоса. Перемищать или увольнять учителей можетъ только товарищескій судъ.

Въ учительскихъ семинаріяхъ курсъ ученія долженъ быть расширенъ до программы среднихъ учебныхъ заведеній по предметамъ

общеобразовательнымъ; по окончаніи семинаріи ученики ея могутъ наравнѣ съ другими учащимися въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ поступать въ университетъ и другія высшія заведенія. Учительскіе общеобразовательные курсы должны устраиваться ежегодно.

Права на пенсію всѣхъ учителей одинаковы. На каждыя 15 школъ должна быть учреждена должность запаснаго учителя. Въ начальныхъ школахъ жалованье учителя не должно быть меньше 600 рублей и прибавка въ 10% черезъ каждые три года. Въ случаѣ тяжелой болѣзни учитель получаетъ права на пенсію, хотя бы и не дослужилъ до установленнаго срока; въ случаѣ смерти учителя это право переходитъ къ его семьѣ.

Органы мѣстнаго самоуправленія должны устраивать воскресныя, а въ будніе дни вечернія, школы для взрослыхъ, устраивать какъ постоянныя, такъ и временныя (странствующие) университеты, школы, бібліотеки и музеи. Вообще на обязанности мѣстныхъ органовъ самоуправления лежить дать возможность всему населенію ознакомиться съ общественными вопросами, дать ему свѣдѣнія юридическія, историческія и т. п.

2. Резолюція объ украинской школѣ.

Исторія украинскаго народнаго образованія показываетъ, что украинцы имѣли до конца XVIII вѣка свою школу. Вся Украина была покрыта низшими и средними училищами, а въ Кіевѣ существовала высшая школа—Академія. Всѣ эти школы содержалъ самъ народъ безъ всякаго пособія отъ государства. Всѣ иностранцы посѣщавшіе Украину, начиная съ XVII вѣка очень хвалятъ культурность и образованность тогдашнихъ украинцевъ. До соединенія Украины съ Москвою на ея территоріи существовало до 24 типографій. Въ концѣ XVIII вѣка русское правительство запретило украинскія школы и стало заводить русскія; дѣтей приводили въ нихъ силою, при помощи полиціи, просвѣщеніе пало: въ первой половинѣ XVIII вѣка въ предѣлахъ Черниговскаго полка было 134 школы, а въ 70-хъ годахъ XIX вѣка годы, т.-е. черезъ 120 лѣтъ, ихъ было на этой же территоріи всего 68; такъ что прежде одна школа приходилась на 786 душъ населенія, а теперь—на 6.730 душъ. Чужой языкъ въ школѣ отдѣлилъ интеллигенцію отъ народа, народъ остался въ невѣжествѣ и темпотѣ, а украинская интеллигенція и до нашихъ дней совершенно чужда своему родному народу. Хотя теперь стало школъ и больше, но ученіе въ нихъ такое же чужое по языку. Луч-

шіе російскіе педагоги, и главнымъ образомъ Ушинскій, давно указывали на весь вредъ подобной школы.

Въ виду всего этого, въ виду того, что тридцати - миллионному народу должны быть обеспечены его національныя права и прежде всего его національная школа, мы, участники педагогическихъ курсовъ въ Киевѣ, народные учителя всей Украины и изъ другихъ губерній, постановили:

1. Курсъ народной школы долженъ быть расширенъ до шести лѣтъ. Все обученіе должно вестись на родномъ языкѣ; государственнй языкъ изучается въ высшихъ классахъ, какъ одинъ изъ предметовъ обученія.

2. Въ учительскихъ семинаріяхъ и институтахъ всѣ предметы должны преподаваться на украинскомъ языкѣ. Для учителей, уже работающихъ въ школахъ, должны читаться курсы украинскаго языка, украинской исторіи и литературы. Всѣ учителя обязаны знать языкъ народа, которому онъ несуетъ просвѣщеніе.

3. Во всѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Украинѣ преподаваніе также должно вестись на украинскомъ языкѣ, что, однако, можетъ осуществиться не сразу, а постепенно. Сейчасъ же очень желательно и необходимо ввести въ ихъ программы изученіе украинскаго языка, литературы, исторіи и географіи Украины.

Зачѣмъ учителя вынесли резолюцію, относящуюся къ современному тяжелому положенію народнаго учителя, преслѣдуемаго администраціей: они постановили добиваться, чтобы ихъ товарищи, лишеныя мѣстъ по политическимъ причинамъ, были немедленно возвращены на свои мѣста; а смѣнять ихъ впередъ можно только съ согласія учительской коллегіи; бойкотировать мѣста уволенныхъ администраціею учителей. Чтобы помочь этимъ товарищамъ въ несчастіи, учителя согласились удѣлять для нихъ по 2⁰/₀ въ мѣсяцъ изъ своего жалованья.

Кромѣ того на курсахъ принятъ былъ уставъ общества взаимопомощи. Какъ ни блѣдны всѣ эти уставы, но въ настоящее горячее время важно имѣть учительству въ рукахъ какую-либо легальную форму объединенія; жизнь неудержимо вольетъ въ нее свое содержаніе.

Интересны тѣ столкновенія съ полиціею, безъ какихъ не обошлись и эти мирныя учительскіе курсы. Во время учительской экскурсіи въ Царскомъ Саду, когда одинъ изъ профессоровъ разъяснялъ геологическія наслоенія и исторію земной коры, экскурсанты вдругъ были окружены полиціею съ приставомъ во главѣ, рѣшительно желав-

шимъ загнать „мятежниковъ“ въ участокъ. Только кроткія, корректныя разъясненія руководителя экскурсіи успокоили встревоженныхъ охранителей порядка, и экскурсія окончилась благополучно. Также грубо было и заключительное вмѣшательство полиціи: съѣхавшіеся на курсы учителя рѣшили закончить свой съѣздъ поѣздкой на могилу великаго поэта Украины—Т. Г. Шевченки. Но провести спокойно время на этомъ святомъ для каждого украинца мѣстѣ учителямъ не удалось, такъ какъ встревоженная ихъ пріѣздомъ каневская полиція наполнила всю гору и принудила учителей оставить могилу.

Медленно, но постепенно зрѣетъ національное самосознаніе украинской интеллигенціи, и этотъ кievскій съѣздъ, въ которомъ участвовали учителя со всей украинской территоріи, и своимъ настроеніемъ, и своими резолюціями сыгралъ большую роль для уясненія національныхъ задачъ и обязанностей именно учителямъ, на которыхъ и лежитъ главная работа національнаго пробужденія народа и руководство имъ въ его соціальной, политической и національной борьбѣ.

С. Русова.

Украинское крестьянство о роспускъ Думы.

Въ теченіе послѣдняго мѣсяца въ „Кіевскихъ Отголоскахъ“ былъ напечатанъ рядъ очерковъ, посвященныхъ настроенію украинскаго крестьянства. Въ виду особеннаго интереса, какой представляетъ вопросъ объ отношеніи крестьянъ къ Думѣ, считаемъ вполне умѣстнымъ перепечатать съ несущественными сокращеніями на страницахъ „Украинск. Вѣстн.“ тѣ изъ этихъ очерковъ, въ которыхъ наиболѣе полно и ярко изображено отношеніе различныхъ слоевъ украинскаго крестьянства какъ къ распушенной Думѣ, такъ и вообще къ современному положенію дѣлъ въ Россіи.

I.

Крестьянинъ о роспускъ Думы *).

Когда объявленъ былъ роспускъ думы, главный интересъ сферъ заключался, повидимому, въ выясненіи вопроса, какъ будетъ реагировать на это населеніе Россіи и крестьянство въ частности и даже въ особенности. Естественно, что этотъ же вопросъ интересовалъ не только сферы. Находились люди, которые ожидали возстанія, если не общаго, то частичнаго, но во всякомъ случаѣ захватывающаго болѣе или менѣе обширные районы. Очень многіе ожидали массовыхъ крестьянскихъ безпорядковъ.

*) Очерки эти принадлежатъ скрывшемуся за псевдонимомъ небезызвѣстному въ литературѣ публицисту, къ сожалѣнію, не владеющему украинскимъ языкомъ. Чтобы придать своему изложенію „народный“ характеръ, авторъ прибѣгаетъ къ нѣскольکو рискованному приему—употребленію великорусской разговорной рѣчи, тогда какъ всѣ его наблюденія и встрѣчи относятся исключительно къ украинскому крестьянству. Просимъ читателей имѣть это въ виду. — *Ред.*

Я совершенно не вѣрилъ въ возможность перваго, сомнѣвался во второмъ, но все-таки хотѣлъ провѣрить свои предположенія. У меня есть знакомый крестьянинъ, настоящій деревенскій крестьянинъ-земледѣлецъ, но только грамотный и со времени войны читающій газету. Особенность его въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ газетахъ съ особою вынуклостью выдвинулся на очередь аграрный вопросъ, онъ быстро научился читать между строкъ и чуть не въ каждой газетной статьѣ сталъ видѣть крестьянина и землю. Сначала онъ долго жаловался, что „очень трудно читать газету — много совѣмъ непонятнаго; а ужъ въ этихъ партіяхъ, которыя неизвѣстно зачѣмъ народились, и вовсе запутаешься“. Но, наконецъ, осилилъ и осилилъ, видимо, именно потому, что на выручку явились земля и крестьянинъ. Тогда, вмѣстѣ съ читаемою имъ прогрессивною газетою, онъ съ напряженнымъ интересомъ сталъ ждать „амнистіи“, т.-е., какъ онъ говорилъ, „земли и всего прочаго, о чемъ пишутъ въ газетахъ“.

Онъ немало удивлялся, почему Дума такъ долго не рѣшаетъ „крестьянскаго земельнаго вопроса“, вполне увѣренный, что рѣшить его можно и просто, и скоро для всей Россіи однимъ только махомъ: „отобрать отъ помѣщиковъ всю землю крестьянамъ, а за землю заплатить изъ казны по оцѣнкѣ—и только!“.. И эта медленность носила въ немъ недоувѣріе къ Думѣ, потому что рѣшеніе было такъ просто и ясно, а между тѣмъ рѣшеніе это все не приходило и Дума занималась все чѣмъ-то другимъ, а не этимъ. Симпатіи его къ Думѣ воротились только тогда, когда онъ прочелъ министерское разъясненіе и понялъ, что Дума-то хочетъ, да ей министры отказываютъ, что, слѣдовательно, „крестьянство опять одолѣваютъ паны“ и „добыть землю дѣйствительно не такъ то легко, какъ кажется нашему брату“. И тогда онъ быстро сталъ прозрѣвать и понимать, отчего Дума такъ „тянула“ съ землею и „съ главными дѣлами“ и занималась подолгу казавшимися ему сначала ненужными и бесполезными „запросами“ и „выговорами начальству и въѣмъ министрамъ за разные порядки“...

Такъ вотъ къ этому то, столь близко затронутому Думой жителю деревни, и обратился я за разъясненіемъ интересовавшаго меня вопроса. Отвѣтъ его, въ общемъ, соотвѣтствовалъ моимъ ожиданіямъ.

— Бунтъ, возстаніе? Зачѣмъ, почему, для какой надобности?!— воскликнулъ онъ удивленно. Развѣ безъ этого и выхода нѣтъ?!

— Какой-же? — спросилъ я, чтобы заставить его высказаться вполне.

— А новая Дума! Вѣдь въ указѣ же сказано, что будетъ новая Дума. Ну, значить, каждый и видитъ, что есть еще надежда, есть еще выходъ, чтобы рѣшить дѣло мирно. Мужички вѣдь не сумасшедшіе, чтобы сразу лѣзть на бунтъ, когда видятъ, что имъ другіе пути не заказаны. Къ тому же въ новую Думу они могутъ вѣдь выбрать людей даже получше прежнихъ. Первые то выборы, сами знаете, у многихъ прошли совсѣмъ зря, потому что образованныхъ людей въ деревню не пускали, мужикамъ собираться, чтобы между собой столкнуться передъ выборами, не давали. Отъ этого во многихъ мѣстахъ крестьяне не имѣли даже яснаго понятія, въ какую такую Думу и для какой надобности они ихъ производятъ. Дѣло доходило до того, что въ нѣкоторыхъ волостяхъ на избраніе въ Думу смотрѣли, какъ на доходную статью: „Нечего тутъ разбирать, кто лучше, кто хуже—не въ этомъ дѣло“ — кричали такіе крестьяне на выборныхъ сходахъ—„всѣ хотимъ въ Думу, всякому хорошо десять рублей то въ день поденщины получать! Нехай будемъ жеребій бросать, кому это счастье придетъ“. И такіе крестьяне тутъ же прикидывали въ умѣ средней дневной расходъ: „50 коп. на харчи, 50 к. на пропой и 50 коп. на подарки своимъ и разные расходы, вотъ 8½ отъ каждаго дня и останется—домой посылать. Отъ этого кто же откажется, это, братъ, для всякаго расчесть!“... Были вѣдь случаи, что отдѣльные крестьяне даже прошенія начальству подавали о зачисленіи ихъ въ члены Думы по случаю ихъ крайнею бѣдности и необходимости поправить разстроенное хозяйство... Вотъ какъ было! Ну, а теперь, я надѣюсь, этого ужъ не будетъ.

— Почему же не будетъ?

— Потому что умнѣе стали. Теперь съ каждымъ днемъ народъ умнѣе становится. Раньше многіе не понимали, не знали, для чего эта Дума, а теперь ужъ понятіе есть, теперь ужъ всѣ почти знаютъ, что Дума хотѣла крестьянамъ землю добыть. Ну, значить, теперь иначе вездѣ и выборы пойдутъ — со смысломъ, съ умомъ, съ расчетомъ, чтобы толковыхъ провести, стойкихъ, да знающихъ. Да, кромѣ того, раньше чурались людей образованныхъ—смотрѣли, какъ на пановъ, боялись, что они противъ крестьянъ въ думѣ пойдутъ, а теперь, какъ узнали, что въ Думѣ были паны, которые сильно за крестьянъ стояли, будетъ не то—будутъ и нѣкоторыхъ пановъ выбирать — не то, что при первыхъ выборахъ, когда стояли на томъ, чтобы выбирать непременно своего мужика, хотя бы и дурака.

По мнѣнію моего собесѣдника, вторая Дума во всякомъ случаѣ встрѣтитъ, въ случаѣ росиуска, болѣе активную поддержку крестьянъ, потому что и выборы въ нее будутъ болѣе сознательные и сами

крестьяне успѣють проникнуться лучшимъ пониманіемъ цѣлей и задачъ Государственной Думы. Теперь же это пониманіе развито далеко еще недостаточно и, благодаря этому, первая Дума далеко еще не захватила крестьянства, не овладѣла всецѣло его думами. Выборы въ Думу были не только трехстепенные (что вообще ослабляетъ интересъ къ ихъ результатамъ), но во многихъ мѣстахъ несознательные, случайные, жеребьевые, отъ которыхъ крестьяне поэтому не могли ожидать для себя пользы, почему и не могли интересоваться работою своихъ „избранниковъ“. Тамъ же, гдѣ выборы были болѣе сознательные, гдѣ крестьяне по крайней мѣрѣ сознательно выбирали тѣхъ, кто могъ бы постоять за ихъ интересы, добыть имъ землю и волю, они въ огромномъ большинствѣ все-таки не представляли себѣ достаточно ясно функцій и правъ Думы, характера ея будущихъ занятій и тѣхъ требованій, которымъ долженъ былъ удовлетворять думскій депутатъ. А когда впоследствии изъ газетныхъ и всякихъ случайныхъ свѣдѣній о ея занятіяхъ до извѣстной степени ознакомились съ этой стороною вопроса, то опять у многихъ явилось разочарованіе, что послали не тѣхъ, кого слѣдовало. Все это не могло не ослаблять интереса къ Думѣ и надеждъ на нее. Но, главное, крестьянская масса вообще очень смутно представляла себѣ, какъ это ихъ депутаты и ихъ Дума добудетъ для нихъ желанную землю. А когда человѣкъ еще неясно представляетъ себѣ, какимъ именно путемъ онъ добудетъ желанное, то у него, конечно, не можетъ быть и полной вѣры въ успѣхъ его дѣла. И полной вѣры, дѣйствительно, не было, а была лишь надежда; но одной такой надежды было мало, чтобы захватить человѣка всецѣло.

Это обстоятельство является одной изъ причинъ, почему крестьянство не реагировало на роспускъ Думы болѣе активно. Совсѣмъ иное дѣло будетъ, по мнѣнію моего пріятеля, со второй Думой, когда, несомнѣнно, исчезнуть или, по меньшей мѣрѣ, значительно ослабнуть тѣ неблагоприятныя условія, которыя умѣряли вѣру и интересъ къ первой.

— Вторую-то Думу, авось, соберемъ такую, чтобы вся за крестьянъ и чтобы крестьяне за нее... и головой и руками... какъ за каменную стѣну!..

II.

„Нехай нашу Думу скорійше назадъ“.

Вѣроятно, словоохотливость деревенскихъ интеллигентныхъ друзей по вопросу о причастности моей къ газетному міру, а также и ча-

стос посѣщенію мною почты въ мѣстечкѣ послужили къ тому, что среди мѣстнаго крестьянскаго населенія я нежданно для себя прослылъ за редактора газеты. По крайней мѣрѣ, на-дняхъ въ мое отсутствіе изъ дома заходилъ ко мнѣ какой-то незнакомый крестьянинъ сосѣдней волости и оставилъ на мое имя объемистое и весьма характерное для переживаемаго момента письмо. Вотъ это письмо, по возможности, съ сохраненіемъ его орфографіи.

Г. Рыдакторъ, выслушайте мене, що я вамъ скажу и будте добры напишитъ у своей газети, якъ це дило було: такъ що у насъ земли нпиа ничего, а у помищыковъ земля есть, такъ щожъ намъ зъ ней за корысть: пидемъ до его на роботу, винъ тоби литняго времени 25 к. або 30 коп. за день. Отъ насъ одынъ чоловікъ и настрочивъ, спасыби ему, розумный чоловікъ, каже намъ: нейдитъ на роботу, дасть бильше, побачете, колы не дасть. Отъ мы соби зрадылися нейты на роботу, не нишы день, не пишы и другой. Це було дило 1905 г. якъ разъ въ рабочее время, такъ что кому робітника треба було, ну нехтивъ платыть, изъ своего села мы не пустили на роботу: хотили паробку и чоловіку за роботу карбованецъ вденъ, дивчппи и молодыцы симъдысять ко., жать. Мы хотили пшеныцъ 7 снпъ, жыта 6 снпъ, а панъ намъ дававъ такъ, що жыта 9 снпъ, пшеныцы одынатцятый. Мы не пишы до его робыть. Винъ заразъ въ Кыевъ тылеграму, що у мене мужыкы забунтовалысь, прошу мыни москаливъ прислать. Тутъ заразъ и москали напхалы. Начавъ брать чужихъ людей изъ другихъ селъ. Мы тоди пійшы на уступки. Давъ що самъ хотивъ, ну всетаке ни то що ранше дававъ цину. Хочъ бидня три чоловіка посадили у тюрьму, ни за що бидни посидили но два мисяци и щей злышкою. Заразъ напхало началство: становой, урядникъ и заразъ похапалы тихъ людей, которыи намъ усимъ диломъ руководылы.

Ну, ничего, укусылы цей бастовки. Кто жывый дождемъ, непробуемъ мы литомъ другой разъ забастовки, мы имъ покажемъ де раки змнують. Буде имъ нашу кровь сосать и старшинувать надъ нами. Пробывъ часъ. Настало време, нашъ народъ замученый проснулся. Эхъ, довго мы спалы, богацко мы що проспалы. До того мы уже дожылыся, що намъ уже ни петы ни було чого, мы мужыкы хлѣбъ снемъ, мы огпрки садимъ, мы картошку садили, мы всю землю обробляемъ, намъ хрыстянамъ земля прынадлежитъ, мы хрыстяне всихъ кормимо, нашъ трудъ недорогъ, но никто не обойдеца безъ его скрызъ, не повези мужыкъ вгородъ, що тамъ тоди паны будутъ робыть?! Все знае хрестянинъ. Пора намъ за себе тоже подумать и погадать, що надъ нами чынылы, щобъ съ насъ поболше

содрать, на ту градку земли побилше наложить налоговъ. Идутъ царскіи слугы вирни, бырутъ у мужика послідну свытыну, або послідну скогыну такъ що нашего мужыка зовсімъ разорають, нема де заробить, диты голы, самъ босый, такъ що мужыкъ въ одно время и загомонивъ, такъ загомонивъ, що чуты его теперь, чуты дуже далеко.

Хрыстянинъ самый тырпильвый, працовытый, но ему нема на чому робить; змыли багацько, а все паньска и царска, кажуть нема земли, пидемо съ апонкой воюваты тоди у насъ буде багацько земли. Отъ мы и пошлы воюваты, отъ тамъ наши миллиарды карбованцивъ и миллионы душъ погибли, ни за що положили своей бидни головчкы на чужи сторонци, посыротывъ своихъ дитокъ маленькихъ, которы не разъ згадають съ своею матерью и боси и голи и голодни, вмисти вони поплачуть по своему батьку. А наши то правители що обиащють дай тилко! А помочи нема ни откуда, кругомъ насъ топчуть. А после мы Думы достукались: отъ Дума прпшла, намъ помочь дасть, землю и все, вся надія була хрыстянска и ту одобралы насильно: нехай мужыку ще плохше буде. Ну не встопчуть, теперь не встопчуть!

Було хороше сихъ время, теперь вони чуютъ нидъ собою трусыну, нослидни минуты стикають, а мы люди рабочи пидемо вперодъ, ни одного шага не отступемо назадъ, вперодъ рабочи люде, вперодъ пидемо мы вперодъ, звернемо ми своей груди, вздохнемо мы легче прежного, выромняемъ мы свою спину, подывымося на свить Божій. Довго насъ мучылы и по турмамъ сажалы насъ пещастныхъ за то, що мы людянь развязувалы свить, щобъ вони бачили, що багацько неправды. Теперь мы идемо просторнише, слободнише вперодъ, упередъ, ни одного шага назадъ не отступемо, вперодъ, упередъ, довольно назадъ, довольно мучылы, довольно терзалы, довольно богачи палачи начальники вси, хто не хтивъ, той не обидывъ. Долой насильство, идемо впередъ, ни шага назадъ. Упиродъ, бо не можно, неможно назадъ, бо мы босы, голы и голодны повсегда и намъ и диткамъ скоро одинъ кинець, а помочи нема и надін нема, то остается наше право одобраты или смерть приняты. Отъ це все напынште, г. редакторъ, що нехай намъ правительство назадъ нашу Думу дае скорійше, щобъ плохше не выйшло“.

Далѣ слѣдуетъ поднись: „Сквирскаго уѣзда, села такого то“
и т. д.

III.

Еще о Думѣ.

Пока шли засѣданія Думы, крестьяне, знавшіе о томъ, что она собралась и приступила къ работѣ (а были такіе, которые узнали объ этомъ лишь не задолго до ея роспуска) „сказываютъ, будто будетъ эта самая Дума, въ которую выбирали, а что собраны ли, это намъ еще не извѣстно“; „говорятъ, будто собралась уже, а только вѣрныхъ извѣстій еще не имѣемъ“; „съ нашей волости никто не выбранъ, такъ что на счетъ Думы ничего еще не слыхали“ п т. п., конечно, обнаруживали извѣстный интересъ къ ходу ея занятій. Но интересъ этотъ былъ далеко не одинаково интенсивенъ, что, повидимому, зависѣло отъ ряда причинъ: отъ степени освѣдомленности о Думѣ (многіе послѣ выборовъ не имѣли представленія о томъ, „что это за Дума такая“), отъ тѣхъ надеждъ, какія возлагались мѣстнымъ населеніемъ на Думу, отъ степени пониманія ея задачъ, отъ степени освѣдомленности о ходѣ занятій Думы и т. п. (Само собою разумѣется, что я при этомъ не говорю о грамотныхъ крестьянахъ, читавшихъ газеты).

Такъ, гдѣ Думой интересовались, этотъ интересъ, насколько мнѣ удалось замѣтить, сосредоточивался на землѣ; остальными же подробностями хода занятій Думы крестьяне, въ большинствѣ, не интересовались. Но и о ходѣ занятій собственно по аграрному вопросу встрѣчавшіеся мнѣ крестьяне въ огромномъ большинствѣ не имѣли почти никакихъ свѣдѣній. Помимо безграмотности деревни и отсутствія въ ней газетъ, отчасти это происходило, вѣроятно, отъ того, что интересовались они не этими подробностями, въ которыхъ и мало понимали, а исключительно результатомъ: „выгораетъ дѣло или нѣтъ“, „осиливаетъ Дума на счетъ земли, или же нѣтъ“... „или по прежнему, все еще сила не беретъ?“... Находились такіе, которые, полагая, что вопросъ о наръзкѣ земли можетъ быть рѣшенъ, такъ сказавъ, однимъ взмахомъ пера, уже въ первомъ періодѣ засѣданій Думы высказывали сѣтованія, что она ничего до сихъ поръ не дѣлаетъ и не сдѣлала. Наоборотъ, другіе, разспрашивая о Думѣ и узнавая, что все еще нѣтъ желаннаго результата, высказывали горькое сожалѣніе, что „старается Дума, добивается своего, а сила, братъ, у нея не беретъ... ой, не беретъ сила у Думы, не беретъ“... „Ой разойдется наша Дума безъ послѣдствій, не осилитъ ей дѣла своего, не одолѣтъ противъ пановъ“... „Слыхали мы: старается Дума, работаетъ... на счетъ земли, да что-то давно ничего нѣтъ, значитъ, сила не беретъ“ и т. д. Одни говорили это уныло, съ печалью въ голосъ;

другіе констатировали фактъ довольно равнодушно, спокойно,—это были обыкновенно тѣ, которые и раньше не придавали Думѣ особаго значенія, или которые смотрѣли на Думу исключительно, какъ на одну изъ случайно и неожиданно подвернувшихся возможностей получить землю.

Тѣ-же, что отзывались съ печалью о неуспѣхѣ Думы „на счетъ земли“ и постепенно начинали терять вѣру въ желательное для нихъ рѣшеніе вопроса, обыкновенно приписывали ея неуспѣхъ панамъ и „начальству, которое держитъ ихъ руку“.—„Ой, плохоіе будетъ, плохоіе будетъ“—обыкновенно говорили они по поводу вѣроятной безрезультатности работъ Думы.

— Почему „плохоіе“?

— Потому плохоіе: надежду народъ прпнялъ. Думалъ поправиться народъ. А теперь какъ будетъ жить? Надежды не будетъ, такъ и жить для чего?? Зачѣмъ работать, когда все равно, знаешь, что чѣмъ дальше, тѣмъ хуже, а впереди одно разореніе?!... Огорчитса, запечалитса, опуститса народъ...

Это были слова унынія и печали. Но они-же указывали и на нѣчто другое—они указывали на то, что нѣкоторая часть крестьянства еще во время засѣданій Думы была до извѣстной степени подготовлена къ неуспѣху Думы—къ роспуску ея, что до извѣстной степени ослабило силу того впечатлѣнія, которое долженъ былъ про- извести на массы самый актъ роспуска.

Наконецъ, были третьи, которые и относились къ Думѣ болѣе сознательно, и принимали болѣе сознательное участіе въ выборахъ, и болѣе проникнуты были вѣрой въ успѣхъ ея главной задачи (добыть землю крестьянамъ). Такіе тоже говорили, что если Дума не дастъ земли, то „плохоіе будетъ“, но не пассивное уныніе, не покорность судьбѣ, а глухое, но острое недовольство звучало въ ихъ словахъ. Они не высказывали, что народъ опуститъ руки подъ впечатлѣніемъ неоправдавшихся надеждъ, а говорили:

— Надежду народъ принялъ, а надежду потеряетъ—смута пойдетъ. Смута пойдетъ и съ помѣщиками у крестьянъ. По всей Россіи смута пойдетъ...

Само собою понятно, что разницею въ отношеніи различныхъ частей заинтересованнаго въ успѣхахъ текущихъ занятій Думы крестьянства предопредѣлялась въ извѣстной мѣрѣ и разниа въ ихъ отношеніи къ самому роспуску Думы: одни отнеслись сравнительно равнодушно, другихъ этотъ роспускъ привелъ въ уныніе, третьихъ— въ негодованіе,—у иныхъ дошедшее до того, что они потеряли всякую вѣру въ... „самое высшее начальство“...

Приведу—но поводу роспуска первой Думы, а также созыва второй—еще одинъ интересный разговоръ.

Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, и такъ какъ всѣ были заняты своими разговорами, то рѣшилъ почитать газету. Лишь только я вынулъ ее изъ кармана и развернулъ передъ глазами, какъ сидѣвшіе около меня крестьяне, бросивъ свой разговоръ, спросили о томъ, нѣтъ ли чего новаго о Думѣ. Въ это время Дума уже была три недѣли какъ распущена и я невольно подумалъ, что они еще не знали о ея роспускѣ. Соображеніе это—скажу въ скобкахъ—можетъ быть, покажется читателю неожиданнымъ и нелѣпнымъ, но оно всецѣло исходило изъ наблюденныхъ фактовъ. Сегодня, когда я пишу эти строки, 20 августа 1906 г., Дума распущена была 9 іюля, слѣдовательно, прошло уже 1^{1/2} мѣсяца со времени распущенія, а я знаю не мало деревень, гдѣ еще не знаютъ о роспускѣ Думы.

Итакъ, я думалъ, что объ этомъ роспускѣ они еще не знаютъ; они же—оказалось—говорить о новой Думѣ: „не собралась-ли“ или „скоро-ль соберется“? Я, разумѣется, сказалъ, что новая Дума обѣщана на февраль, но, что въ газетахъ пишутъ будто-бы будетъ отсрочена.

— Ой, плохо будетъ, ой плохо, плохо!.. заговорили они въ одинъ голосъ.

— Почему-же плохо?

— Плохо будетъ, очень плохо, если Думу новую не соберутъ.

— А что-же?

— Да, такъ что теперь ужъ крестьяне не успокоятся. Съ тѣхъ поръ, какъ Дума объ землѣ заговорила, это дѣло такъ не кончится. Будутъ добиваться земли во что бы то ни стало. Будутъ ждать новой Думы, а если ее скоро не соберутъ, то станутъ силой требовать землю,—отвѣчалъ одинъ.

— Съ того часа, какъ объ землѣ громко дѣло пошло, т.-е. какъ заговорили объ этомъ въ Думѣ—разъяснилъ другой—съ того часа все крестьянство заговорило... и такъ, братъ ты мой, заговорило, что уже не замолчить. Нѣтъ, ужъ не замолчить! Виденъ конецъ, виденъ! Одинъ только конецъ и будетъ!..—толковалъ третій. Пока молчаніе было—запретъ о землѣ говорить, ну, какъ ни какъ тихо все таки въ народѣ было: земли ждали, думали—время еще не пришло и все такое. Ну, а когда эта самая война пошла и Думу стали собирать для земли и заговорила о ней эта самая Дума—встрепенулся народъ, и увидѣлъ, что теперь ему, значить, не ждать, а самому землю добывать черезъ Думу...

Но разсуждая такимъ образомъ, всѣ трое возлагали, все-такъ и

надежду на новую Думу, смотря на нее какъ на лучшій желательный исходъ изъ даннаго положенія, какъ на тотъ неизбежный этапъ, черезъ который должно пройти мирное разрѣшеніе земельного вопроса и безъ котораго это мирное разрѣшеніе невозможно и неизбежны совсѣмъ нежелательныя для нихъ столкновенія съ помѣщиками.

Такимъ образомъ, встрѣченные мною крестьяне не только знали о роспускѣ первой Думы, но и толковали о созывѣ второй, видя въ ней мирный, лучшій исходъ изъ даннаго положенія. Они были изъ двухъ разныхъ деревень одной волости и изъ ихъ словъ видно было, что вообще въ ихъ деревняхъ очень ждуть новой Думы и пока—до нея—держатся мирно, съ помѣщиками ладятъ,—такъ сказать, выжидаютъ событій.

Нисколько не удивительно, разумѣется, что на роспускѣ Думы не реагировали и не реагируютъ активно (какъ этого ожидали въ сферахъ тотчасъ послѣ ея закрытія) крестьяне тѣхъ деревень, гдѣ имѣется вѣра въ новую—вторую—Думу. Но не надо также удивляться и тому, что такой реакціи не получилось въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ нѣтъ этой вѣры во вторую Думу. Мы видѣли уже, что для этого есть масса причинъ.

Одною изъ главнѣйшихъ,—если опустить эту самую вѣру во вторую Думу, вѣру, которая больше, кажется, всего должна была удержать отъ эксцессовъ—можно считать то, что, во многихъ мѣстахъ „Дума крестьянъ не захватила“, т. е. они не прониклись вѣрой въ нее, не уяснили еще себѣ ея значеніе для крестьянства, мѣстами смотрѣли на нее лишь какъ на неожиданно подвернувшійся удобный случай—авось не удастся ли получить черезъ Думу землю—и только. Другую надо считать то, что многіе были уже постепенно подготовлены къ роспуску Думы.

Прибавимъ къ этому факты, отчасти уже намѣченные предыдущимъ изложеніемъ. При безграмотности народа, недостаткѣ и неудовлетворительности путей сообщенія, п значительности разстояніи между населенными пунктами, населеніе далеко не одновременно узнавало не только объ открытіи, но и о роспускѣ Думы. Отдѣльныя мѣстности, селенія, отдѣльные крестьяне реагировали поэтому на роспускъ, такъ сказать, въ одиночку, а между тѣмъ очевидно, что только одновременность полученія свѣдѣній объ этомъ роспускѣ (при болѣе или менѣе однородномъ отношеніи къ нему большинства) могла бы создать то массовое настроеніе, подъ влияніемъ котораго происходить тѣ или иные эксцессы.

Но если сказанное достаточно уясняетъ воставленный вопросъ, то оно же, мнѣ кажется, уясняетъ и нѣчто другое. Оно уясняетъ то

обстоятельство, что эти же причины, эти же условія (безграмотность, неразвитость, неосвѣдомленность, инертность, разобщенность населенія и пр.), если я только не ошибаюсь, должны еще и отдалять тотъ моментъ, когда въ народѣ создается извѣстное настроеніе,—что, иными словами, сравнительно съ народомъ болѣе культурнымъ, болѣе умственно развитымъ и пр., нашъ всегда долженъ реагировать на тѣ или иныя затрагивающія его событія съ извѣстнымъ опозданіемъ. Слѣдовательно, острой реакціи на разгонъ Думы отъ него надо, можетъ быть, ждать позже, чѣмъ мы думаемъ, мѣстами она можетъ быть только еще готовится и ее придется, быть можетъ, еще пережить. Что это—мѣстами по крайней мѣрѣ—именно такъ, укажу на слѣдующее.

Я только что былъ въ мѣстности, гдѣ преобладающая точка зрѣнія на новую Думу—безусловно отрицательная: „никакая новая Дума ничего не дастъ и ни отъ какой Думы нечего больше земля народу ждать“.

Въ деревенскомъ уединеніи, у себя дома, только „промежду своихъ людей и секретно“ толкуютъ о томъ, что теперь уже надежды нѣтъ и другого исхода тоже, и время пришло добывать землю собственными силами.

Повидимому, тамъ это теченіе теперь еще только въ началѣ. Но настроеніе растеть. Оно дѣлается тревожнымъ, опаснымъ.

Не пора ли поэтому вдуматься во все происходящее, выикнуть въ сущность событій и для успокоенія населенія, ради спокойствія самихъ землевладѣльцевъ отъ имени правительства громко и внятно сказать: будетъ новая Дума и она, а никто другой, рѣшить вопросъ о землѣ для русскаго крестьянства?

Жа Украинѣ.

Трудно въ правильномъ освѣщеніи представить картину жизни и настроенія Украины. Провинціальная русская печать, издающаяся на территоріи Украины и насчитывавшая еще недавно въ свопхъ рядахъ не мало яркихъ и живыхъ органовъ, измучена неслыханными даже при цензурѣ гоненіями. Она превратилась въ блѣдные и безцвѣтные газетные листы, въ которыхъ напрасно мы стали бы искать правильного отраженія переживаемаго драматическаго момента. Мѣстная администрація, получивъ въ свои руки власть благодаря восстанию или иному чрезвычайному положенію, первымъ дѣломъ старается задушить свободную печать, обличающую произволъ и преступленія агентовъ власти.

Украинѣ въ этомъ отношеніи особенно не посчастливилось. Всѣ крупныя культурныя центры ея—Кіевъ, Одесса, Харьковъ, Екатеринославъ и др.—на военномъ положеніи; другими словами, каждая газета въ любой моментъ можетъ быть приостановлена по капризу или произволу временнаго генераль-губернатора.

Муки одесской печати, долго изнывавшей отъ самодурства невѣжественнаго и жестокаго сатрапа Карангозова (теперь его смѣнилъ генераль Глаголевъ), чуть ли не вошли въ пословицу. А вотъ мартирологъ харьковской печати. „За короткій промежутокъ времени, пишетъ корреспондентъ „Рѣчи“, закрыты газеты: „Наканунъ“, „Современность“, „Девятый Валъ“, „Вечерняя Газета“, „Харьковская Жизнь“, „Харьковскія Новости“ и даже „Церковная Газета“. Редакторъ „Южнаго Края“ прис. пов. Воронежскій послѣ нѣсколькихъ предостереженій оштрафованъ въ 500 рублей; противъ него же

возбуждено 17 уголовныхъ дѣлъ... Арестованъ редакторъ „Современности“ Данилевскій, высланъ редакторъ „Вечерней Газеты“ Пархоменко, арестовано нѣсколько сотрудниковъ „Наканунъ“ и „Юж. Края“. Приостановлены: изданіе городской управы—„Свѣдѣнія о врачебно-санитарной организаціи“, изданіе отчетности медицинскаго общества и друг.“.

Для кievской печати придуманы особые скорпіоны. За каждую неоправившуюся администраціи статью генераль-губернаторъ налагаетъ на редактора значительные штрафы, доходящіе до *нѣсколькихъ тысячъ рублей*, якобы за разглашеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительства и вообще за нарушеніе какихъ-то обязательныхъ постановленій. Въ самое послѣднее время генераль-губернаторъ рѣшилъ еще болѣе упростить вопросъ: за малѣйшую неприятную для него статью или замѣтку онъ подвергаетъ аресту—на мѣсяць и болѣе — отвѣтственнаго редактора... Понятно что переживаютъ газеты при такомъ режимѣ, въ сравненіи съ которымъ времена предварительной цензуры и гоненія Фонъ-Плеве кажутся райскимъ блаженствомъ...

Въ городахъ, не объявленныхъ на военномъ положеніи, упраздненіе независимой печати идетъ не менѣе успѣшно. Въ Черниговѣ губернаторъ Родіоновъ, наскучивъ чуть не ежедневными конфискаціями мѣстной газеты „Утренняя Заря“, въ одинъ прекрасный день на основаніи усиленной охраны выслалъ изъ предѣловъ губерніи ся отвѣтственнаго редактора, какъ чловѣка „опаснаго для общественной безопасности“, и газета принуждена была замолчать. Точно также приостановили свой выходъ впредь до лучшихъ дней уманская газета „Народная Польза“ (вслѣдъ за введеніемъ въ кievской губерніи военнаго положенія) и роменская—„Свободное Слово“. Въ Каменецъ-Подольскѣ полиціймейстеръ Витовичъ своими беззаконными и свирѣпыми преслѣдованіями розничной продажи совершенно обезцвѣтилъ и безъ того блѣдную и невинную въ политическомъ отношеніи газетку „Подольскій Край“ (газета существуетъ почти исключительно розничной продажей). Однимъ словомъ—не мытьемъ, такъ катаніемъ. Предъ нами встаетъ картина полного разрушенія, пол-

наго уничтоженія какихъ-бы то ни было признаковъ открытой политической жизни. Разумѣется, никакія собранія не разрѣшаются.

Въ городахъ все притаилось и замолкло. Живые ключи политической дѣятельности ушли снова въ подполье. Но въ деревнѣ все кипитъ и бурлитъ, нарастая въ какой-то новый грозный валъ. Изъ разныхъ мѣстъ Украины столичными газетами получаютъ однородныя извѣстія о тревожномъ настроеніи крестьянства. „Судить о настроеніи херсонской деревни, задавленной военными положеніями и чрезвычайными охранами, пишетъ корреспондентъ „Рѣчи“, нельзя по тому сдержанному сравнительно поведенію, которое проявляетъ сейчасъ крестьянство. Намъ извѣстны случаи, когда по нѣсколько волостей въ уѣздѣ отказывались избирать членовъ въ землеустроительныя комиссіи; мы знаемъ, что во многихъ волостяхъ широко распространены выборскія постановленія бывшихъ депутатовъ и что тамъ крестьяне и теперь уже открыто говорятъ о проведеніи этихъ постановленій въ жизнь“.

То же самое пишутъ изъ верхнеднѣпровскаго уѣзда екатеринославской губерніи:

„Въ уѣздѣ настроеніе напряженное. То и дѣло въ помѣщичьихъ экономіяхъ вспыхиваютъ пожары. По селамъ распространяется въ громадномъ количествѣ выборское воззваніе и революціонныя изданія. Во многихъ селахъ, несмотря на страдную пору, происходятъ регулярныя ночныя собранія съ участіемъ пріѣзжихъ „агитаторовъ“. Среди пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ не прекращаются забастовки на экономической почвѣ. Отряды казаковъ объѣзжаютъ экономіи и деревни“.

„Среди крестьянъ подольской губерніи, пишутъ газетѣ „Volkszeitung“, настроеніе съ окончаніемъ полевыхъ работъ становится все болѣе и болѣе угрожающимъ. Сходы превращаются въ „сходки“, произносятся рѣчи, читаются воззванія, обсуждаются выборскія постановленія“. Въ могилевскомъ уѣздѣ той же губерніи, какъ сообщаетъ корреспондентъ клерикальной „Подоліи“, „настроеніе крестьянъ въ селахъ повышенное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне обнаруживаютъ нежеланіе молотить помѣщикамъ хлѣба; въ другихъ

же крестьяне сжигаютъ и портятъ хлѣбъ. Такъ въ с. Юрковцахъ въ имѣніи Салтыкова крестьяне подожгли весь фольварокъ съ жилыми домами; сгорѣлъ съ хозяйственными постройками приготовленный къ молотбѣ хлѣбъ, сгорѣло также много скота. Убытокъ достигаетъ до пяти тысячъ рублей. Подозрѣваемые въ поджогѣ арестованы“.

„Отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ обостряются все болѣе и болѣе, пишутъ изъ кievской губерніи. Объявленіе кievской губ. на военномъ положеніи не произвело на крестьянъ никакого впечатлѣнія. „Стрѣляли раньше — стрѣляютъ и теперь“, — говорятъ крестьяне, не видя никакой разницы въ томъ ли иномъ положеніи“.

Мы могли бы привести еще десятки подобныхъ сообщеній, но и изъ сказаннаго съ достаточной выпуклостью вырисовываются тревожныя перспективы. Борьба украинскаго крестьянства за землю и вообще за лучшія условія существованія, борьба неизбежная и неотвратимая вступаетъ въ фазисъ стихійнаго разрушенія. Отчаяніе, отсутствіе какой бы то ни было надежды на лучшее будущее толкаютъ на ужасный путь анархій, разгромовъ и поджоговъ. Пока работала Дума, — всѣ констатировали спокойное, выжидательное настроеніе крестьянства. Была полная возможность отвести крестьянское движеніе въ русло мирной организаціонной работы и спокойной экономической борьбы съ остатками крѣпостничества. Но вышло иначе. Дума разогнана — и дымомъ пожаровъ, застилающимъ всю черноземную полосу, отвѣтило крестьянство на этотъ переворотъ. Нѣтъ уѣзда, нѣтъ мѣстности на Украинѣ, откуда не сообщали бы объ этихъ пожарахъ и поджогахъ.

Вотъ что пишутъ „Рѣчи“ изъ елисаветградскаго уѣзда херсон. губ.:

„Пожары въ уѣздѣ начинаютъ принимать эпидемическій характеръ. Не проходитъ дня, чтобы въ какомъ-либо пунктѣ не было пожара, происшедшаго отъ „неизвѣстныхъ причинъ“ или отъ явно умышленнаго поджога. Въ экономіяхъ горитъ хлѣбъ въ копнахъ, солома и сѣно въ скирдахъ и стогахъ. Нерѣдко „красный пѣтухъ“

гуляетъ по экономическимъ постройкамъ. Интересно отмѣтить, что жертвами поджоговъ довольно часто являются зажиточные крестьяне. Объ интенсивности вспыхнувшей пожарной эпидеміи можно судить по тому, что за одну послѣднюю недѣлю въ уѣздной полиціи получено свыше 50 донесеній о пожарахъ. Послѣдніе дни по ночамъ видѣется вокругъ города зарево. Одинъ земскій служащій, ѣздившій ночью изъ Бобринца въ Елисаветградъ, насчиталъ на протяженіи сравнительно небольшого разстоянія восемь пожаровъ. Настроеніе землевладѣльцевъ мрачное, и они съ понятнымъ страхомъ ждутъ грядущей осени“.

Судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, то же самое можно сказать о каждомъ уѣздѣ украинскихъ губерній.

Всюду одна и та же ужасная, надрывающая душу картина. Сколько безпощадной злобы, сколько безпросвѣтнаго отчаянія должно было накопиться, чтобы эта безцѣльная, бесполезная и безумная форма борьбы получила массовое распространеніе!

Но мы въ правѣ сказать: „tua res agitur“! Кто безпощадно растопталъ послѣднюю надежду крестьянъ, ждавшихъ отъ Думы мирнаго удовлетворенія земельной нужды? Кто посылалъ стражниковъ и драгунъ противъ мирно забастовавшихъ сельскихъ рабочихъ? Кто пытался раздуть малѣйшее требованіе крестьянъ, предъявленное помѣщику, въ „бунтъ“ и безпорядки и наполнилъ тюрьмы сотнями „аграрниковъ“? На совѣсти тѣхъ и должны лежать эти безчисленные черные столбы „аграрнаго“ дыма, эти слѣды не прекращающейся внутренней войны, внутренняго російскаго „безумія и ужаса“...

Обозрѣватель.

Х р о х и к а.

Въ дополненіе къ сообщеніямъ телеграфныхъ агентствъ объ обыскѣ и арестахъ въ редакціи „Громадської Думки“ въ Кіевѣ, напечатаннымъ въ предыдущемъ номерѣ нашего журнала, приводимъ болѣе подробныя свѣдѣнія изъ мѣстныхъ газетъ. „Разгромъ редакціи „Гром. Дум.“—по словамъ корреспондента „Рѣчи“—очень напоминаетъ такой же разгромъ „Мысли“. Нагрянувъ въ помѣщеніе редакціи въ 4 часа утра, полиція и жандармерія рылась тамъ до 6-ти час. вечера. Всѣ бывшіе въ редакціи сотрудники, а также всѣ приходившіе въ теченіе дня въ помѣщеніе редакціи были обысканы. Одновременно съ обыскомъ въ редакціи, производились также обыски въ квартирахъ многихъ сотрудниковъ и въ типографіи, гдѣ печаталась газета. Еще до этого былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ завѣдующаго книжной торговлей „Кіевской Старины“ В. Ф. Степаненко, а также и въ самой книжной торговлѣ. Ни въ квартирѣ, ни въ магазинѣ ничего нелегальнаго не найдено. Обысканы были также помѣщеніе типографіи товарищества Н. А. Гиричъ, гдѣ печаталась „Гром. Дум.“, и квартира сотрудницы газеты г-жи Виноградовой, но ничего незаконнаго тамъ найдено не было. Послѣ этого г-жу Виноградову пригласили въ помѣщеніе редакціи, гдѣ обыскали ящики ея стола и затѣмъ приступали къ тщательному обыску всѣхъ шести комнатъ редакціоннаго помѣщенія. Найдено было, какъ мы уже сообщали, много нелегальной литературы на украинскомъ языкѣ, экземпляры выборгскаго воззванія, „обращенія къ арміи и флоту“, изданія украинской рад.-демократической партіи, изданія и программы крестьянскаго союза и т. п. Полиціей взято было также много писемъ сотрудниковъ, ихъ рукописи, а также списокъ всѣхъ сотрудниковъ газеты. Въ типографіи полиція сдѣлала оттиски со всего наличнаго набора и нѣкоторые изъ нихъ забрала съ собой.

Кромѣ того были посланы полицейскіе наряды по квартирамъ сотрудниковъ, чтобы и тамъ произвести обыски. Редактора „Гром. Дум.“ Ф. П. Матушевскаго въ это время не было въ Кіевѣ, а поэтому сдѣлали обыскъ у его замѣстителя—украинскаго литератора С. А. Ефремова. У одного изъ сотрудниковъ найдено около 5 пудовъ нелегальной литературы, у сотрудника г. Жука, который былъ арестованъ, нашли также много литературы, преимущественно социаль-демократической; обыскали и арестовали сотрудника Хохлича. Всѣхъ, кто заходилъ въ редакцію во время обыска, также обыскивали и нѣкоторыхъ арестовывали. Такъ были арестованы сотрудники Квасницкій и Воронинъ и неизвѣстная дѣвушка. Только въ шесть часовъ вечера закончился обыскъ, полиція опечатала помѣщеніе редакціи и все забранное увезла въ двухъ ящикахъ и большомъ мѣшкѣ.

Вообще власти,—замѣчаетъ корреспондентъ „Рѣчи“ — повидимому, рѣшили разгромить мѣстную украинскую организацію.

Въ связи съ обыскомъ въ „Громад. Думкѣ“ произведено много обысковъ и арестовъ среди „украинцевъ“. Въ общемъ полиція арестовала на квартирѣхъ четырехъ человекъ. Нѣсколькими днями раньше былъ обыскъ у исполняющаго обязанности слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ г. Минченко. Были найдены въ единичныхъ экземплярахъ программы двухъ крайнихъ украинскихъ партій и членскій билетъ конституціонно-демократической партіи. Кажется, ничего преступнаго въ этомъ нѣтъ, тѣмъ не менѣе черезъ три дня послѣ обыска г. Минченко по телеграммѣ министра юстиціи уволенъ отъ должности.

22 августа былъ произведенъ вторичный обыскъ во всѣхъ службахъ и въ редакціи газеты „Громадська Думка“, закрытой 18 августа по распоряженію временнаго генераль-губернатора г. Кіева ген.-лейт. Шмидта на все время военнаго положенія. Обысканы были даже дровяные сараи. Нигдѣ ничего противозаконнаго не найдено.

По распоряженію жандармскаго охраннаго отдѣленія полиція усиленно разыскиваетъ секретаря газеты „Громадська Думка“ г. Козловскаго, котораго въ настоящее время неизвѣстно гдѣ находится. На квартирѣ у г. Козловскаго былъ произведенъ обыскъ. Кромѣ того, о немъ собираются самыя подробныя свѣдѣнія и въ управленіи юго западныхъ жел. дорогъ, гдѣ г. Козловскій раньше служилъ въ службѣ движенія.

Въ ночь на 22 августа арестованъ временно исполнявшій обязанности редактора „Громадської Думки“ украинскій журналистъ С. А. Ефремовъ.

22 августа около 2 час. дня въ Кіевѣ по Мало-Владимірской ул., въ домѣ № 52, въ помѣщеніи редакціи украинскаго юмористическаго журнала „Шершень“ былъ произведенъ полиціей и жандармеріей, по предписанію временнаго генераль-губернатора г. Кіева и кievской губерніи ген.-лейт. Шмидта, тщательный обыскъ. Кромѣ обыска въ конторѣ и редакціи этого журнала, обыскана была въ томъ же помѣщеніи вторично квартира завѣдывающаго конторой г. Осинскаго. Первый обыскъ у г. Осинскаго производился 18 августа, когда шелъ обыскъ въ редакціи газеты „Громадська Думка“. Ни въ редакціи „Шершня“, ни въ квартирѣ г. Осинскаго ничего противозаконнаго не найдено.

„Волянь“ посвятила горячо написанную статью закрытію „Громадської Думки“. „Появившись на свѣтъ вмѣсто своего „ненарожденнаго“ собрата „Громадскаго Слова“, заблаговременно запрещеннаго, „Громадська Думка“, говоритъ газета, съ самаго начала своей непродолжительной жизни испытала на себѣ всю тяжесть военнаго положенія: первый-же номеръ ея былъ конфискованъ. Той-же участи подвергалась она неоднократно и впоследствии, а 25 января газета была закрыта и лишь послѣ долгихъ хлопотъ и усилій удалось добиться разрѣшенія на ея возобновленіе... 18 августа „Громадська Думка“ умерла насильственной смертію...

„Отлученная отъ родного языка долготѣнными стараніями патріотовъ всевозможныхъ ранговъ и положевій украинская интеллигенція только что начала привыкать къ *своей* газетѣ. Въ совершенно неувѣзную читать газеты, никогда не издавшую написаннаго „по простому“ литературнаго изданія украинскую крестьянскую среду, только что начали иронизовать слухи о существованіи печатаемой „рідною мовою“ дешевой газеты. И интеллигенція, и крестьянство еще не вполне освоились даже съ той орфографіей, которая такъ усердно втеченіе цѣлыхъ десятилѣтій была гонима всякими ограничительными по отношенію къ украинской печати правилами и которая пріобрѣла право гражданства въ Россіи только съ конца прошлаго года.

„Трудная задача выпала на долю піонера ежедневной украинской журналистики—„Громадської Думки“. Вернуть языку его прошлое, приспособивъ его къ современной жизни, обогативъ его массою новыхъ словъ для понятій—дѣло сложное и ответственное, требу-

ищущее громадных силъ и количественныхъ, и качественныхъ. Журналистовъ-украинцевъ не было: всѣ литературныя силы уходили до сихъ норъ на беллетристику, пользовавшуюся относительной свободой. Журналисты-украинцы только-что начали выработываться.

„Но всѣ эти препятствія уже начали отступать предъ напоромъ энергичнаго труда, просвѣтленнаго великой идеей. Украинское слово начало пріобрѣтать себѣ популярность. Украинская ежедневная газета нашла уже путь къ народу. И этотъ путь теперь закрыть“...

Въ полученномъ нами послѣднемъ 25—26 номерѣ украинскаго сатирическаго журнала „Шершень“ имѣется редакціонное заявленіе гласящее, что въ виду исключительно тяжелыхъ условій переживаемаго момента изданіе журнала на нѣкоторое время пріостанавливается.

По распоряженію хотинскаго уѣзднаго исправника конфискованъ 22-го августа второй номеръ ежемѣсячнаго популярнаго украинскаго журнала „Хата“ (за августъ мѣсяць), выходящаго въ г. Хотинѣ бессарабской губ. подъ редакціей доктора Ф. Немоловскаго.

25 августа въ Кіевѣ состоялось совѣщаніе издательской комиссіи кіевскаго товарищества „Просвіта“, на которомъ обсуждался планъ будущей дѣятельности комиссіи. Постановленіе общаго собранія при открытіи товарищества о томъ, чтобы въ первую очередь издавались книги по украиновѣдѣнію, учебники для народной школы и т. д. связываетъ, очевидно, нѣсколько руки комиссіи, ибо Россія переживаетъ въ настоящее время далеко не такой моментъ, чтобы можно было расходовать энергію и средства на изданіе учебниковъ для несуществующей еще школы, и члены совѣщанія вполне резонно рѣшили не считаться временно съ постановленіемъ общаго собранія, состоявшимся при нѣсколько иныхъ условіяхъ историческаго момента. Совѣщаніе рѣшило пока издать двѣ брошюры—одну по аграрному вопросу и другую объ автономіи. Въ первой брошюрѣ должны быть изложены условія землевладѣнія на Украинѣ во времена Хмельницкаго и позже, затѣмъ въ какомъ положеніи находится землевладѣніе въ настоящее время съ изложеніемъ историческихъ обстоятельствъ, приведшихъ къ настоящему положенію и, наконецъ, какіе существуютъ взгляды на рѣшеніе земельного вопроса въ настоящее время. Вторая брошюра должна отвѣчать на вопросъ, что такое автономія вообще

и почему она необходима, и въ частности почему необходима автономія для Украины.

Написать брошюры на изложенныя темы изъявили согласіе двое изъ участниковъ совѣщанія. Для первоначальной издательской дѣятельности были предложены собранныя въ свое время двѣсти съ лишнимъ рублей на изданіе популярныхъ брошюръ на политическія темы и оставшіеся еще неизрасходованными.

Появившееся въ газетахъ сообщеніе о вступленіи украинской соц.-дем. раб. партіи въ составъ російской соц.-демократіи, какъ о совершившемся уже фактѣ, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Вопросъ о соединеніи съ рос. с.-д. раб. партіей дѣйствительно занимаетъ въ настоящее время украинскую социаль-демократію, но окончательное его разрѣшеніе зависѣтъ будетъ отъ того, приемлемы ли окажутся для рос. соц.-демократіи тѣ условія соединенія, какія будутъ санкціонированы на очередномъ съѣздѣ украинскихъ социаль-демократовъ. Проектъ этихъ условій, выработанный ц. к. укр. с.-д. р. п. и обсуждаемый теперь партійными организаціями, былъ уже напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Что касается приемлемости ихъ для рос. соц.-демократіи, то едва ли въ этомъ отношеніи могутъ возникнуть какія-нибудь затрудненія, такъ какъ отказъ укр. с.-д. р. п. отъ права за собой на „единственное выраженіе“ воли украинскаго пролетаріата значительно облегчаетъ дѣло соединенія.

Центральнымъ комитетомъ украинской соц.-дем. раб. партіи предположено, по словамъ „Товар.“, въ самое ближайшее время созвать рядъ конференцій областныхъ организацій для обсужденія различныхъ вопросовъ партійной жизни и современнаго политическаго момента. Однимъ изъ вопросовъ, привлекающихъ въ настоящее время особенное вниманіе членовъ партіи, является вопросъ о тактикѣ по отношенію къ созданному разгономъ Государственной Думы положенію вещей и, въ частности, по отношенію къ выборамъ въ будущую Государственную Думу. До сихъ поръ украинская социаль-демократія въ вопросахъ тактики и оцѣнки Государственной Думы раздѣляла „большевистскую“ точку зрѣнія. Теперь же среди партіи выдѣляется теченіе, склонное защищать идею о необходимости участія въ выборахъ. Размѣры этого теченія еще недостаточно опредѣлились и вопросъ объ участіи партіи въ выборахъ въ будущую Государственную Думу будетъ разрѣшенъ окончательно на имѣющемъ состояться въ недалекомъ

будущемъ партійномъ съѣздѣ, который вмѣстѣ съ этимъ разрѣшить и вопросъ о соединеніи съ р. с.-д. р. п., не менѣе занимающій въ настоящее время партію, чѣмъ вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ. Кромѣ этого на конференціяхъ областныхъ организацій и на очередномъ партійномъ съѣздѣ будутъ обсуждаться вопросы: а) о постановкѣ работы среди городского и сельскаго пролетаріата; б) организація профессиональныхъ союзовъ; в) формы организаціи и др.

Въ „Волини“ напечатано интересное письмо въ редакцію, озаглавленное „Вниманію украинцевъ“ и призывающее мѣстныхъ украинцевъ къ просвѣтительной и организаціонной работѣ. „Пропастъ между народомъ и интеллигенціей, говоритъ авторъ, еще глубже, еще шире на Украинѣ, гдѣ народъ и интеллигенція говорятъ „на разныхъ языкахъ“ не въ переносномъ только, а и въ буквальномъ смыслѣ этого выраженія. Чтобы сдвинуть края этой пропасти, чтобы стать ближе къ народу,—для этого людямъ, которые возьмутъ на себя задачу внести въ его сферу свѣтъ знанія, необходимо говорить съ нимъ роднымъ его языкомъ, на этомъ же языкѣ вести обученіе въ школахъ и давать ему на этомъ же языкѣ написанныя книги.

„Сѣтью украинскихъ просвѣтительныхъ обществъ—преимущественно подъ названіемъ „Просвіта“—уже покрыта почти вся Украина. Нѣтъ подобнаго общества только на Волини. Дѣло наиболѣе сознательныхъ украинцевъ сдѣлать начинъ въ этомъ направленіи и взять трудъ организаціи „Просвіти“. Но пусть, приступая къ просвѣтительной дѣятельности, они не забываютъ, что настоящей моментъ выдвигаетъ и другія, не менѣе важныя задачи. Едва-ли не самая главная изъ нихъ—это организація украинскаго населенія по партіямъ.

„Опытъ печальной памяти прошлыхъ выборовъ, не давшихъ въ Думу ни одного сознательнаго украинца, долженъ побудить интеллигентныхъ представителей украинскихъ массъ къ изысканію мѣръ противъ повторенія подобной ошибки. Но этотъ же опытъ предостерегаетъ ихъ отъ повторенія и другой ошибки, допущенной въ прошлые выборы русскимъ, польскимъ и еврейскимъ населеніемъ Житомира.

„Эта ошибка заключалась въ смѣшеніи понятій „партія“ и „національная группа“. „Русская партія“... „Польская партія“... „Еврейская партія“... Вѣдь, это—политическій абсурдъ. Такимъ-же абсурдомъ было-бы основаніе „Украинской партіи“.

„Національная обособленность и вражда—предразсудокъ: отдѣльныя группы одной національности всегда имѣютъ точки соприкосновенія съ соотвѣтствующими группами другой. Поэтому, организація

украинскаго населенія въ партіи вовсе не требуетъ противопоставленія всей украинской народности другимъ національностямъ, живущимъ рядомъ съ ней—русской, польской и еврейской—и вовсе не исключаетъ возможности соединенія въ блокъ украинскихъ партій съ соотвѣствующими партіями другихъ національностей“.

Полтавскимъ губернаторомъ, какъ сообщаютъ „Рѣчи“, не утвержденъ цѣлый рядъ уставовъ различныхъ обществъ, въ томъ числѣ уставъ украинскаго товарищества „Просвіта“, которое поставило своей цѣлью поднятіе умственнаго уровня украинскаго населенія полтавской губ. путемъ чтеній, бесѣдъ, школъ, курсовъ и т. н. средствами.

Украинское печатное слово по прежнему кажется администраціи чѣмъ-то особенно страшнымъ и крамольнымъ. На дняхъ телеграфное агентство сообщило, что въ г. Черкассахъ кievской губ. произведены массовые обыски у подписчиковъ пріостановленной газеты „Громадська Думка“.

Издаваемая полтавскимъ губернскимъ земствомъ „Полтавская Земская Газета“ помѣщаетъ сельско-хозяйственныя бесѣды на украинскомъ языкѣ.

Вийшла з друку й продається по всіх книгарнях

Грамотка

(УКРАЇНСЬКИЙ БУКВАРЬ) з малюнками.

Склав **Норець**.

Ціна **15 к.**, з пересилкою **25 к.** (можна марками).

Склад у видавця Є. Череповського, в Києві,
Крутий спуск, № 1.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную литературно-политическую, экономическую и общественную газету

„Кієвскіє Отголоски Жизни“.

Подписная цѣна:

На годъ. на 8 м. на 7 м. на 6 м. на 3 м. на 2 м. на 1 м.

1) Съ дост. и перес. 8 р. 6 р. 5 р. 25 к. 4 р. 50 к. 2 р. 50 к. 1 р. 75 к. — р. 90 к.

2) За границу . . 17 р. 12 р. 9 р. — к. 8 р. 50 к. 4 р. 75 к. 3 р. 25 к. 1 р. 65 к.

Отдѣльные номера продаются по 5 коп.

При непосредственномъ обращеніи въ главную контору г.г. студенты и учащіеся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также учителя народныхъ училищъ, лица сельскаго духовенства, крестьяне и рабочіе уплачиваютъ за газету 75 коп. въ мѣсяць.

Для г.г. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка: для иногороднихъ и городскихъ съ доставкою: по 1 руб. въ теченіе первыхъ 8 мѣс., или при подпискѣ—3 р., къ 1 Мая—3 р. и къ 1 Сентября—2 руб. За перемѣну адреса 40 коп. При перемѣнѣ адреса необходимо указать свой прежній адресъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа наждаго мѣсяца.

Адресъ главной конторы и редакціи Кієвъ, Прорѣзная ул. № 14. Телефонъ № 589.

Продолжается подписка на 1906 годъ

НА

„ВОЛЫНЬ“

газету политическую, литературную и обществен. жизни
(28-й годъ изданія).

„ВОЛЫНЬ“ выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣ-
праздничныхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой

На 12 м.—7 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 30 к., на 1 м.—85 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ „ВОЛЫНИ“, въ г. Житомирѣ (уг. Михайловской и
Б.-Вердичевской, д. О-ва Взаимнаго кредита).

Редакторъ **Т. Коробицкій.**
Редакторъ-Издатель **Е. Щербицкій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на литературно-политическую газету
подъ названіемъ

„Винницкая Газета.“

„Винницкая Газета“ будетъ посвящать свои силы всестороннему освѣщенію вопросовъ русской дѣйствительности и въ частности подробному, ясному и правдивому изображенію и обсужденію вопросовъ жизни Юго-Западнаго края и соприкасающихся съ нимъ районовъ. „Винницкая Газета“ будетъ высказывать свои взгляды, разрабатывая вопросы текущей жизни на почвѣ ихъ реальнаго осуществленія.

„ВИННИЦКАЯ ГАЗЕТА“ будетъ выходить по мѣрѣ накопленія матеріала и даже ежедневно.

Собственные корреспонденты въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и во всѣхъ губернскихъ городахъ Юго-Западнаго края.

Подписная цѣна: на годъ безъ дост. и перес.—4 р., съ дост. и перес. 5 р.

Адресъ редакціи: г. ВИННИЦА, Подольск. губ.

Редакторъ-издатель **Андр. Валер. МАЗАРАКІЙ.**

Съ 22 февраля въ С.-Петербургѣ выходитъ

ВѢСТНИКЪ ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ
конституціонно-демократической партіи.

Еженедѣльникъ издается подъ непосредственнымъ руководствомъ центрального комитета партіи, въ составъ котораго входятъ: Ю. А. Акчуринъ, В. Д. Васильевъ, В. И. Вернадскій, М. М. Винаверъ, В. М. Гессенъ, Г. В. Гессенъ, Ф. А. Головинъ, Н. А. Гредескулъ, кн. Пав. Д. Долгоруковъ, кн. Петръ Д. Долгоруковъ, А. С. Изгоевъ, А. И. Каминка, А. А. Кизеветтеръ, Н. Н. Кишкинъ, Ф. Ф. Кокошкинъ, А. М. Колюбакинъ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, А. С. Ледницкій, А. С. Ломшаковъ, И. В. Лучицкій, В. А. Маклаковъ, А. Н. Максимовъ, М. Л. Мандельштамъ, П. Н. Милоковъ, С. А. Муромцевъ, А. А. Мухановъ, В. Д. Набоковъ, П. И. Новгородцевъ, Л. I. Петражицкій, И. И. Петрункевичъ, Д. Д. Протопоповъ, Е. В. де-Роберти, Ф. И. Родичевъ, М. В. Сабашниковъ, П. Б. Струве, Н. В. Тесленко, А. В. Тыркова, М. П. Чубинскій, Н. Н. Черневковъ, кн. Д. И. Шаховской, Г. Ф. Шершеневичъ, Е. Н. Щейкинъ и Н. Н. Щепкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

съ доставкой и пересылкой за годъ 3 руб. до конца 1906 года; за 6 мѣсяцевъ 1 руб. 80 коп.; 30 коп. въ мѣсяць. За границу на годъ 6 р. Отдѣльные №№ по 10 коп.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ еженедѣльника, Адмиралтейская наб., № 10, кв. 6; 2) въ Москвѣ у Ю. Г. Топожковой, Чернышевскій пер., домъ Цустошкина, кв. 26; 3) въ комитетахъ конституціонно-демократической партіи и 4) въ большихъ книжныхъ магазинахъ.

Годовые подписчики получаютъ въ видѣ приложенія подробный отчетъ о II и III съѣздахъ н.-д. партіи.

Пробный № высылается гл. конторой по первому требованію бесплатно.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Адмиралтейская наб. 10, кв. 6.

Редакторъ-издатель В. Д. Набоковъ.

Передплата на 1906 рік.

Рідний Край

Часопись політична, економічна, літературна і наукова.

виходить в 1906 році раз на тиждень, въ форматі тижневих журналів по 16—20 сторін.

У часописі заведені ось які відділи:

1. Що потрібно для нашого народу, особливо для селян хліборобів і всіх трудящих людей.
2. Що діється на Україні, також в Галичині й на Буковині.
3. Що діється въ цілій Росії. Звістки з столиць.
4. Що діється по чужих землях, що єсть там доброго, що й нам би годилося.
5. Звістки й листи з городів і сел (про земства, товариства про все що діється доброго і лихого).
6. Наукові статі і звістки (історія, література, медицина, ветеринарія, сільське хазяйство, промисли: і т. д.)
7. Оповідання, вірші, фельетон.
8. Дрібні звістки (про заробітки торги, ціни і т. д.),
9. Вібліографія.—Запитання читателів і відповіді редакції про всякі діла; судові, хазяйські та иньші.
10. Оповідкі усякі.

Передплата за часопись на рік 3 карбованці, на місяць 35 коп. з пересилкою, окремі числа по 8 коп., додатки по 3 коп. безъ пересилки. За кордон на рік 5 карб. Окремі числа за кордоном по 10 коп.; на вокзалах залізниць теж по 10 коп.

Книгарям комісійних за передплату на рік 5⁰/о. За продаж окремих №№—25⁰/о, за кордоном 30⁰/о.

Листи і гроші засилати треба під адресою: Полтава, Протопоповська ул., д. Оксюза, № 41, (биля пошти) до редакції часописі „РІДНИЙ КРАЙ“.

Просимо усіх прихильників і читателів наших надсилати нам звістки про діяльність земств, городських дум, усяких товариств і організацій, звістки про постанови сільських і волостнихъ сходів, селянських спілок і иньші новини.

Редантор-видавець М. Дмитрієв.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

подъ редакціей *Л. З. Слонимскаго.*

==== Вышелъ выпускъ второй. ====

Въ этомъ выпускѣ помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи: Антисемитизмъ, В. Водовозова, Н. Рейнгардта и Л. Слонимскаго; Арбитражъ, бар. В. Нольде; Арендныя отношенія, А. Дядиченко и Л. Чермака; Арестъ судебный и полицейскій, проф. кн. С. Друцкаго; Армія, проф. А. Добровольскаго; Арсеньевъ К. К., А. Θ. Кони; Артели, Ф. Щербины; Архангельская губернія, Д. Рихтера; Афганистанъ, З. Авалова; Африка, бар. В. Нольде; Африкандеры, Баварія, Бадень, Базель, В. Водовозова; Багдадская желѣзная дорога, бар. В. Нольде; Балканскій полуостровъ, бар. В. Нольде и П. Калинин; Вальфуръ, С. Рапопорта; Банкеты, В. Водовозова; Банъ хорватскій, С. Радича; Баррикады, Н. Рейнгардта; Батраки, Ф. Щербины; Башкиры и башкирскія земли, А. Дядиченко; Бебель, В. Водовозова; Бездомовые, Ф. Щербины; Бездѣйствіе власти, проф. кн. С. Друцкаго; Безземельные крестьяне, Ф. Щербины; Безобразовъ М. А., Н. Рейнгардта; Безопасность, С. Шумакова; Безпаспортные, Ф. Щербины; Безработица, В. Святловскаго; Берлинскій трактатъ, бар. В. Нольде; Берлинъ, Р. Стрѣльцова; Бернштейнъ, Эд., В. Водовозова; Библиотеки, Н. Рейнгардта; Бирмингемъ, С. Рапопорта; Благонадежность, Благонамѣренность, Благополучіе, Н. Рейнгардта; Благотворительность, Г. Чернявскаго; Блокада, бар. В. Нольде; Бобыли, Ф. Щербины; Богатство, Г. Чернявскаго; Бойкотъ, В. Водовозова; Болгарія, П. Калинкова; Болгарская конституція, П. Миллюкова; Босфоръ и Дарданеллы, бар. В. Нольде; Бразилія, В. Водовозова.

Съ 11 портретами и иллюстраціями, 3 страниц. картограммъ и 17 страниц. географическихъ картъ.

Подписная цѣна за всѣ 12 выпускъ — **9 руб.** безъ переплета въ трехъ полукожаныхъ переплетахъ, или же съ отдѣльной высылкой трехъ крышекъ, — **12 руб.** Подписная цѣна за границу — **28 франк.** безъ переплета и **36 франк.** въ переплетахъ. Допускается разсрочка съ уплатою по 1 рублю или по 4 франка въ мѣсяць.

Для ознакомленія съ изданіемъ, всѣмъ желающимъ высылаются первый выпускъ съ обязательствомъ возвратить его, если подписка не состоится.

Главная Контора: **Спб. Невскій, 88.**

Подписка принимается также въ иногороднихъ отдѣленіяхъ и у представителей Главной Конторы.

- 14) РЕНАНЪ, ЭРНЕСТЪ. Жизнь Ісуса. Переводъ *Е. В. Святловскаго* безъ всякихъ сокращеній съ 19-го пересм. и дополн. изд. Съ портретомъ Ренана, исполненнымъ гелиографюрою 1 р. 50 к. Отдѣльно портретъ Ренана 20 к., съ перес. 35 к.
- 15) МОГИЛЯНСКІЙ, М. М. Усталые. Драма въ 3 д. 50 к.
- 16) ЖАКОВЪ, К. Ѳ. Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ. 40 к.
- 17) ГИППУСЪ, З. Н. (Мережковская). Алый мечъ. Четвертая книга разсказовъ. 2 р.

Поступили на складъ новыя книги:

- 1) ГРУШЕВСКІЙ, Мих., проф. Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Изд. 2-е, дополн. 2 р. 50 к.
- 2) „ Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. 25 к.
- 3) ХАРАДЕНЪ, БЕАТРИССА. Корабли, проходящіе ночью. Переводъ съ англ. *Л. Сердечной*. Изданіе *Е. В. Кечеджи-Шаповаловой*. 60 к.
- 4) Записки Петербургскихъ Религіозно-Философскихъ собраній (1902—1903 гг.). *Содержаніе*: 1. Обь отношеніи церкви къ интеллигенціи.—2. Левъ Толстой и Русская Церковь.—3. О свободѣ совѣсти.—4. Духъ и плоть.—5. О бракѣ.—6. О догматическомъ развитіи. 4 р.

Печатаются и вскорѣ поступятъ въ продажу:

- 1) МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. ТРИЛОГІЯ „Христось и Антихристѣ“. Въ 3 частяхъ: 1) Смерть боговъ (Юліанъ Отступникъ) 2) Воскресшіе боги (Леонардо да-Винчи), 3) Антихристѣ (Петръ и Алексѣй). Въ простомъ изданіи цѣна по подпискѣ 4 р. 50 к., въ изящномъ 7 р. 50 к. По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.
- 2) ГИППУСЪ, З. Н. (Мережковская). Новые люди. Первая книга разсказовъ. 2-ое изданіе.
- 3) МЕТЕРЛИНКЪ. Полное собраніе сочиненій, въ трехъ томахъ. Съ портретомъ, исполненнымъ гелиографюрою. Все изданіе иллюстрировано художникомъ *К. Рерихомъ*.
- 4) ЩАПОВЪ, А. П. Сббраніе сочиненій, въ трехъ томахъ. Съ портретомъ.
- 5) ГАЛИНА, Г. Предразсвѣтная пѣсни. Собраніе стихотвореній.
- 6) БЕРДЯЕВЪ, Н. А. Борьба за идеализмъ.
- 7) ТРАЧЕВСКІЙ, А. С. проф. Учебникъ по новой исторіи (было истреблено цензурою до выхода въ свѣтъ).
- 8) „ Новая исторія (было истреблено цензурою до выхода въ свѣтъ).
- 9) ТВЕРИТИНОВЪ. Обь объявленіи приговора Н. Г. Чернышевскому.
- 10) ПОССЕ, К. Дифференціальное и интегральное исчисленіе. 3-е исправл. и дополн. изданіе.
- 11) СОМОВЪ, І. Аналитическая геометрія 2 и 3 измѣреній. 2-е пересмотрѣнное изданіе.
- 12) БЕРТРАНЪ, Ж. Дифференціальное исчисленіе. 2-ой вы-

При Книгоиздательствѣ **М. В. ПИРОЖКОВА**

(Спб., В. О., Большой пр., д. 6)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ и ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Журналъ издается подъ редакціей **М. А. Славинскаго** и при ближайшемъ участіи проф. **М. С. Грушевскаго**, проф. **Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго** и **А. А. Русова**.

Сотрудники: проф. **Д. И. Вагальи**, проф. **И. А. Бодуанъ-де-Куртенэ**, **С. В. Бородаевскій**, **Н. Ф. Вѣляшевскій**, **С. А. Велгеровъ**, **Ф. К. Волковъ**, **Вол. Гнатюкъ**, проф. **И. М. Гревсъ**, проф. **Н. А. Гредескулъ**, **Б. Д. Гринченко**, **А. С. Грушевскій**, **Н. С. Долинскій**, **В. Н. Доманицкій**, **Д. И. Дорошенко**, **В. Ф. Дурлуковскій**, **А. Я. Ефименко**, **С. А. Ефремовъ**, **В. Е. Жаботинскій**, **Л. Н. Жебуневъ**, **П. И. Житецкій**, **И. П. Житковскій**, **Я. П. Забѣлло**, проф. **Н. И. Карѣвъ**, **В. А. Кисляковскій**, проф. **М. М. Ковалевскій**, **Н. И. Коробка**, **Вл. Г. Королевко**, проф. **Н. А. Котляревскій**, проф. **А. Е. Крымскій**, **М. Ловинскій**, **А. И. Лотоцкій**, проф. **И. В. Луцицкій**, **Я. И. Мальцевъ**, **Д. В. Марковичъ**, **Ф. П. Магумевскій**, **М. М. Могиланскій**, **А. В. Петрищевъ**, **С. Ф. Русова**, **А. С. Снявскій**, **П. Я. Стебницькій**, **М. Л. Томара**, **С. Томашевскій**, **М. И. Туганъ-Варановскій**, **Ив. Франко**, **П. И. Чижевскій**, **акад. А. А. Шахматовъ**, **В. М. Шеметь**, **Ф. Р. Штейнгель**, **И. Л. Шрагъ**, **Ф. А. Щербана**, **Л. Н. Яснопольскій**

Украинскій Вѣстникъ посвящается интересамъ украинскаго народа и высшему его политическимъ, социально-экономическимъ и культурнымъ нуждамъ въ общемъ ходѣ государственнаго переустройства Россіи. Понятіе свободы національныхъ органически входитъ въ понятіе политической свободы вообще; политической свободы не существуетъ тамъ, гдѣ нѣтъ гарантированныхъ свободъ національныхъ; социальное и культурное возрожденіе русскаго государства неразрывно связано съ полнымъ развитіемъ социальныхъ и культурныхъ силъ народовъ, входящихъ въ его составъ; мирное сожителство разныхъ народовъ въ единомъ государствѣ обеспечивается лишь полной свободой ихъ національнаго самоопредѣленія и полнымъ отсутствіемъ посягательства на ихъ національныя права; развитіе экономическихъ и культурныхъ силъ Россіи должно покоиться на широкомъ развитіи областнаго и національно-территориальнаго самоуправленія. Раскрытіе этихъ формулъ въ примѣненіи ихъ къ Украинѣ является основной задачей Украинскаго Вѣстника.

Условія подписки: съ дост. и перес. по 1 Января 1907 г. 4 р. въ Россіи и 6 р. заграницу. Ни на какіе другіе сроки до новаго года подписка не принимается. Разсрочка допускается для народныхъ учителей: 2 р. при подпискѣ и 2 р. къ 1 октября 1906 г. Въ отдѣльной продажѣ книжки стоятъ по 20 к.

Подписка принимается, кромѣ нонтормъ (Спб., В. О., Большой пр., д. 6), во всѣхъ большихъ книжн. магазинахъ, а также въ складѣ изданій „Благотворит. О-ва изд. общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“ (д-ръ **Е. С. Гринбинюкъ**, Спб., Казанская, 39).

Адресъ редакціи (для присылки рукописей): Спб., Ямская, д. 4, кв. 30. Приемъ по дѣламъ редакціи по вторникамъ и четвергамъ отъ 12—2 ч.

Редакторъ **М. А. Славинскій**. Издательница **Н. М. Лотоцная**.